

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Чжан Яньцю

Лексические средства передачи эмоций в «Повестях Белкина»

А.С. Пушкина (функционально-семантический аспект)

Выпускная квалификационная работа

магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Колосова Т.Н.

Рецензент: к.ф.н., ст. преп. Частного образовательного
учреждения дополнительного профессионального
образования «Державинский институт»

Семенова Л.М.

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ

2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы описания функционирования эмотивной лексики в художественном тексте.....	9
I.1. Лексика как система. Основные проявления лексической системности	9
I.2. Лексико-семантическое поле	14
I.3. Эмотивная лексика в лексической системе русского языка	21
I.3.1. Коннотация как аспект лексического значения.....	21
I.3.2. Эмоции, эмоциональность, эмотивность.....	24
I.3.3. Лексические средства выражения и описания эмоций	28
I.4. Особенности языка художественной прозы и эмоциональная составляющая художественного текста	33
Выводы	37
Глава II. Функционально-семантический анализ лексических средств передачи эмоций в цикле «Повести белкина»	40
II.1. Особенности языка художественной прозы А.С. Пушкина	40
II.2. Общая характеристика материала и принципы его классификации..	46
II.3. Лексические средства передачи положительных эмоций.....	52
II.3.1. Лексические средства передачи <i>любви</i>	52
II.3.2. Лексические средства передачи <i>радости</i>	56
II.4. Лексические средства передачи отрицательных эмоций.....	62
II.4.1. Лексические средства передачи <i>горя</i>	63

II.4.2. Лексические средства передачи <i>грусти</i>	69
II.5. Лексические средства передачи <i>любви</i> на фоне их китайских аналогов	75
Выводы	81
Заключение	87
Список использованной литературы	92
Приложение I	100
Приложение II.....	105
Приложение III	106

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы объясняется следующими факторами. Эмоции играют важную роль в жизни человека, т.к. являются одним из главных регуляторов его психических состояний, важным источником обогащения внутреннего мира личности и познания окружающей действительности. Они проявляются в переживании каких-либо значимых ситуаций (радость, страх, удовольствие и др.), явлений и событий в течение всей жизни человека и регулируют его поведение. Не случайно многие ученые считают, что эмоции – одна из форм отражения, познания, оценки объективной действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, т. е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности.

Эмоции – сложный феномен, не допускающий однозначной интерпретации. По этой причине определение понятия эмоция и классификация эмоций вызывают известные трудности и разногласия у исследователей.

Во всех языковых системах существуют средства для передачи эмоций и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, о причинах, ее вызывающих, ее месте в ряду других эмоций и т.д. Для этих целей в лексиконе любого языкового сообщества имеется стартовый набор обозначений для описания или выражения той или иной эмоции. Обозначения эмоций обеспечивают как норму культуры

речевого общения в данной языковой общности, так и различные отклонения от нее в групповых субкультурах.

При этом разные культуры по-разному относятся к одним и тем же эмоциям, их проявлению. Часть эмоций может быть табуирована, проявление отдельных эмоций – наделено социальной коннотацией и т.д., что влияет на воспитание и социализацию, а это, в свою очередь, влияет на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики. По этой причине в условиях иноязычного общения возможна ошибочная интерпретация тех или иных лексических средств передачи эмоций, что делает важным исследование особенностей передачи эмоций с точки зрения РКИ.

Поскольку критерии и нормы внешнего выражения эмоционального состояния часто имеют существенные национальные отличия и обусловлены определённой культурной спецификой, в частности, в русской и китайской картине мира, у китайских студентов возникают естественные трудности, при понимании эмоционального поведения героев литературных произведений, в частности, прозы А.С. Пушкина. При этом адекватное понимание лексических средства передачи эмоций и заключающейся в них общекультурной информации способствует формированию языковой и страноведческой компетенции иностранных студентов, расширению их словарного запаса, экспрессивных возможностей в плане оценки внутреннего состояния человека.

Обращение к творчеству А.С. Пушкина мотивировано значением его творчества в русской и мировой литературе. А.С. Пушкин – величайший русский поэт, драматург и прозаик, основатель русского реализма с его передовыми, демократическими, гуманистическими традициями, создатель современного русского литературного языка. Особенно велико значение А. С. Пушкина в развитии русской художественной прозы. «Повести Белкина» – его первое завершённое прозаическое произведение – являются, по существу, началом русской художественной реалистической прозы. Герои цикла – люди различного склада характера: благородные и сильные, добрые и жестокие, серьёзные и лукавые, что служит основой разнообразного выражения проявлений их эмоционального состояния.

Объектом исследования являются лексические средства выражения и описания эмоций, проявляемые героями «Повестей Белкина» А.С. Пушкина.

Предметом исследования служат особенности семантики и функционирования лексических средств передачи эмоций.

Гипотеза исследования заключается в том, эмоции персонажей «Повестей Белкина» А.С. Пушкина передаются как с помощью лексических средств их выражения, так и описания; их функционально-семантический анализ позволит сделать выводы об особенностях употребления эмотивной лексики в данном художественном произведении. Лексические средства передачи эмоций характеризуются национальной спецификой, которая может быть выявлена в результате их сопоставления, в частности, с китайскими аналогами.

Цель диссертации заключается в выявлении и систематизации лексических средств, служащих для передачи (т.е. выражения и описания) эмоций человека в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина, и в рассмотрении их функциональных и семантических особенностей.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) описать теоретические основы исследования;
- 2) выявить лексические средства описания и выражения базовых эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести Белкина»;
- 3) произвести классификацию выявленных единиц и установить их системные отношения;
- 4) проанализировать семантику и особенности функционирования выявленных единиц;
- 5) проанализировать семантические особенности части выявленных единиц на фоне их китайских аналогов.

Методы исследования: метод наблюдения; метод направленной выборки материала; контекстуальный метод; дефинитивный метод; дистрибутивный метод; описательный метод; приёмы оппозитивного анализа и частотно-статистической характеристики, а также элементы полевого метода.

Материалом исследования служат «Повести Белкина» А.С. Пушкина, а также данные словарей («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецов, «Словарь языка Пушкина» Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов., и «Словарь эмотивной лексики русского языка» под ред.

Н.Ю. Шведова).

Научная новизна исследования заключается в комплексном функционально-семантическом анализе лексических средств передачи эмоций в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина, а также отсутствии (по нашим данным) работ по теме исследования. Средства передачи эмоции «любовь» впервые рассматриваются на фоне их китайских аналогов в тексте переводе «Повестей Белкина» на китайский язык.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшем изучении особенностей языка произведений А.С. Пушкина, в частности, в изучении языковых особенностей передачи эмоций в цикле «Повести Белкина». Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании методов функционально-семантического описания единиц современного русского языка, а также при дальнейшем изучении лексико-семантических полей на материале художественной литературы.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографии, в том числе учебной, в лекционных курсах по лексикологии, при подготовке учебников, учебных пособий и спецкурсов по русской классической литературе XIX века, в практике перевода, а так же непосредственно в практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, на занятиях по чтению.

На защиту выносятся следующие положения.

1. В «Повестях Белкина» представлены положительные и отрицательные эмоции, и также их сложные комплексы;

2. В «Повестях Белкина» для передачи эмоций А.С. Пушкин использует как лексические средства их выражения, так и описания;
3. Лексические средства, которые используются для передачи эмоций, минимизированы и проявляют значительную контекстуальную зависимость;
4. В китайских аналогах национальная специфика лексических средств передачи эмоций может сохраняться полностью, сохраняться частично и утрачиваться;
5. Частичная или полная утрата национальной специфики лексических средств передачи эмоций в китайских аналогах мотивируется как особенностями грамматической системы, так и особенностями китайской культуры.

Апробация работы.

Основные положения диссертации были представлены в докладах на магистерском семинаре кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ, на IX Международной студенческой научно-практической конференции «Студенческая наука XXI века» (23.04.2016) г. Чебоксары.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и трех приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

I.1. Лексика как система. Основные проявления лексической системности

Словарный состав – наиболее открытая и подвижная сфера языка. В него непрерывно входят новые слова и постепенно уходят старые. Нарастающая сфера человеческих знаний (образование, наука, новейшие технологии, сведения из других культур и др.) прежде всего закрепляется в словах и их значениях, благодаря чему лексических приобретений в языке становится все больше. «Раздел языкознания, изучающий лексику и словарный состав, называется лексикологией (от др.-греч.— слово, выражение, суждение)» (Ярцева, 1998: 259). Освещение проблем лексикологии нашло отражение в трудах В. В. Виноградова, К.А. Левковской, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева, Ф.П. Филина, Ю.С. Сорокина и др..

Предметом лексикологии являются:

- 1) проблема слова как основной единицы языка, типы лексических единиц;
- 2) структура словарного состава языка;
- 3) функционирование лексических единиц (сочетаемость слов, частотность употребления и т. д.);
- 4) пути пополнения словарного состава языка;
- 5) соотношения лексики и внеязыковой действительности (Википедия:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/> 15.03 2015)

Для нашего диссертационного исследования важны такие предметы, как функционирование лексических единиц и соотношение лексики и внеязыковой действительности. Это связано с целью работы, которая заключается в выявлении и систематизации лексических средств, служащих для передачи эмоций человека в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина, а также в рассмотрении их функциональных и семантических особенностей; эмоции как правило являются реакцией человека на окружающую (внеязыковую) среду, т.е. напрямую связаны с внеязыковой действительностью. **Лексикой** (от др.-греч. «относящийся к слову») называется совокупность слов того или иного языка, его словарный состав, части языка или слов, которые знает тот или иной человек или группа людей. Лексика является центральной частью языка, именующей, формирующей и передающей знания о каких-либо объектах, явлениях (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> 15.03.2015). Лексика русского языка, как и любого другого, представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня (Лексика и фразеология: <http://www.examen.ru/> 16.03.2015). Как отмечает Е.И. Зиновьева, «ни одно слово в языке не существует отдельно, изолированно от его общей номинативной системы» (Зиновьева 2005: 31).

Хотя лексическая системность является одной из основополагающих проблем современной лингвистики, понимание наличия внутренних отношений между словами является характерной чертой русской

лексикологической традиции. В частности, М.М. Покровский писал: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются... независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» (Покровский 1959: 82).

Как и многие сложные и развивающиеся понятия, понятие системы не имеет однозначного толкования. В общем смысле под системой понимается «совокупность элементов, связанных внутренними отношениями» (Степанов 1975: 42).

Неоднозначность и даже противоречивость понятия системы в современной науке по отношению к лексике связано с углублением представлений о сущности лексической системности. Одна из граней этого противоречия отражена в вопросе: относится ли понятие «система» к исконным свойствам объекта или к процедуре и конечной цели анализа (Караулов 1976: 59). Высказывается мнение, что различие классификаций лексики – неопровержимое доказательство того, что система привносится в лексику исследователями, а не является исконно присущим ей свойством. Так, например, Эр. Хан-Пира замечает: «Если под системой разумеется некоторое множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, то лексика обладает этими признаками без помощи лексикологов. Они лишь обнаруживают её и описывают, делают явной». По его мнению, «мысль лексиколога лишь отражает с той или иной степенью точности объективно сложившиеся отношения и связи между как самими вещами, так и их

названиями» (Хан-Пира 1999: 44).

На самом деле системность лексики – объективный факт. «Не будь её (внутренней системности), – замечает Ю.С. Степанов, – мы не могли бы легко и быстро отыскивать в своей памяти нужные слова» (Степанов 1975: 27). Идея понимания и описания лексики как системы в современной лингвистике разделяется большинством исследователей (Степанов Г.В., Слесарева И.П, Фомина М. И., Уфимцева А.А., Зиновьева Е.И. и др.).

В настоящее время существует и включает ряд взаимосвязанных понятий о языковой системе – уровни языка, единицы языка, парадигматические и синтагматические отношения, знаковость языка, форма и функция, структура и субстанция, внешние и внутренние связи в языке, синхрония и диахрония, анализ и синтез, регулярность и нерегулярность и др. (Лингвистический энциклопедический словарь: <http://tapemark.narod.ru/> 19.03.2015).

На основании тех или иных признаков слово объединяются в типы. Системность в лексике проявляется:

1) в семантической структуре слова, отражающей его отношение к действительности;

2) в словопроизводственных отношениях, связях слов с другими словами по своей форме, отношению слова к той или иной общей или частной лексико-грамматической категории (части речи, гнездо слов и т.д.);

3) в семантических связях и отношениях слова с другими словами: синонимия, антонимия; объединения слов в лексико-тематические группы, отдельные терминологические ряды, семантические микросистемы;

4) в контекстуальных, семантико-фразеологических связях слов: наличии устойчивой сочетаемости слов в речи, определённых единообразных типах этой сочетаемости;

5) в объединении, группировке слов по стилистическим свойствам (Сорокин 1965: 13).

Как следует из сказанного, системные связи могут охватывать как незначительные по объёму словарные группировки, так и целые классы слов, единых по своей категориальной сущности. «В лексике выделяются срезы, различающиеся степенью системности, т.е. степенью упорядоченности отношений между образующими данную область словами» (Зиновьева 2005: 31).

А.А. Уфимцева отмечает, что, «с одной стороны, изучение лексической системы предполагает изучение организации самого словарного инвентаря, распределение слов по лексико-грамматическим (частям речи) и семантическим классам словесных знаков, формы взаимодействия элементов словопроизводства, особенности морфемного состава слов, соотношение полнозначных и служебных слов, конкретной и абстрактной лексики, распределение словаря по предметным группам и семантическим полям, по терминологическим и прочим лексическим микросистемам. С другой стороны, исследование системы в лексике предполагает изучение тех многообразных семантических отношений слов, в которых они находятся в структуре языка» (Уфимцева 1968: 17). Исследователь также отмечает, что предпочтительнее называть этот аспект не лексической, а

лексико-семантической системой языка.

В работах немецких ученых Й. Трира, Р. Мейера, В. Порцига, Г. Ипсенаи др. взгляд на лексику как систему оформился в так называемую теорию семантического (понятийного) поля. Для настоящего исследования данное проявления системности имеет большую ценность, поскольку во второй главе при описании системных отношений выявленных нами единиц мы будем использовать элементы полевого метода.

Обратимся к рассмотрению поля в лексике.

I.2. Лексико-семантическое поле

Основателем теории семантического поля считается немецкий учёный Иост Трир. Согласно его теории, на каждое «понятийное поле», соответствующее определённой сфере понятий (М. М. Покровский называл это «кругом представлений» (Покровский 1959: 84)), как бы накладываются слова, членившие его без остатка и образующие «словесное» поле. При этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Носитель языка в полной мере знает значение слова лишь в том случае, если ему известны значения других слов из того же поля (Кобозева, 2000: 98). Как отмечает А.А. Залевская, «в естественных ситуациях для носителя языка смысл слова слит с его значением и актуализируется в составе некоторого фрагмента образа мира при взаимодействии знания и переживания отношения к этому знанию» (Залевская 2002: 70).

Существуют различные типы поля. «Существует два типа логических связей между понятиями, образующими поле. Первый – это отношения типа «быть», второй – типа «иметь». В первый тип входят поля, единицы которых связаны отношениями подобия (синонимия), противоположности (антонимия), включение (гиперонимические отношения) и соположение» (Зиновьева 2005 : 34; Гак 1995). В основе второго типа поля («иметь») лежат действия и связанные с ним предметы и их признаки. Это синтагматические семантические поля (так называемые поля Порцига). «Слова, связанные подобными отношениями смежности, образуют синтагматические семантические поля – поля Порцига. Объединение этих двух полей создает обширные тематические поля, отражающие целую сферу внеязыковой действительности («Транспорт», «Сельское хозяйство» и т. п.)» (Васильев 1971 105-113).

В современной лингвистике учёные исследуют и другие языковые объединения различных типов, подводимые терминологически под гипероним «поле»: «семантические, лексико-семантические, ассоциативные, функционально-семантические, концептуальные, идеографические, фразеосемантические, лингвокультурологические и др.» (Зиновьева 2005:34).

В данной работе необходимо проанализировать лексические средства передачи эмоций и особенности их семантики, поэтому наибольшую практическую ценность имеет для нас лексико-семантическое поле. В современной лингвистике термины семантическое поле и лексико-семантическое поле употребляются как синонимы.

Однако с точки зрения Е.И. Зиновьевой, понятие семантическое поле гораздо шире понятия лексико-семантическое поля. «Изучение семантических полей – предмет семиотики, поэтому такие поля должны анализироваться с привлечением данных различных научных дисциплин, не только лингвистики. В свою очередь лексико-семантическое поле объединяет вербальный ряд единиц – слова и словосочетания – на основе общности выражаемого ими значения» (Зиновьева 2005:35). Мы разделяем данную точку зрения и далее в работе будем использовать термин *лексико-семантическое поле* (далее – ЛСП).

«ЛСП – это иерархическая организация слов, объединенная одним родовым значением и представляющая в языке определённую семантическую сферу» (Диброва 2006 : 27; Зиновьева 2005). В нашем исследовании мы за основу принимаем определение ЛСП, приведенное в энциклопедии «Русский язык»: «ЛСП – иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» (РЯЭ 1998: 458).

Рассмотрим структуру поля. Собственно семантическая структура поля состоит из следующих частей:

- 1) Ядро поля представлено родовой семой (гиперсемой). Гиперсема поля-семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развёртывание поля;
- 2) центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром значение;

3) периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения. Обычно периферийные единицы поля могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы (Диброва 2006: 97).

Ю.Н. Караулов строит следующую эскизную модель семантического поля. «Ядро поля – синонимическое отношение, которое включается в родовое именование и само содержит в себе видовое имя. К ядру присоединяются слова, значения которых имеют с ядром общие компоненты (ядерная зона). В отдельную группу выделяются антонимы к имени поля. По мере отдаления от ядра и ядерной зоны наблюдается ослабление интенсивности этих признаков и/или выпадение некоторых из набора ядерных компонентов поля» (Караулов 1972: 57).

Ю.Н. Караулов делает важный вывод о том, что все ЛСП обнаруживает принципиально одинаковую структуру независимо от материала. Вводится понятийный аспект ЛСП или смысловая структура поля (Караулов 1972 57).

Наиболее полно свойства ЛСП выделила И.И.Чумак:

« 1. Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий компонент (общий семантический признак). Этот компонент обычно выражается архилексемой (гиперлексемой), то есть

лексемой с наиболее обобщённым значением;

2. В ЛСП выделяются микрополя – семантические объединения, члены которых связаны интегральным признаком, выражаемым обычно доминантой микрополя (ядерной лексемой). Внешнюю структуру микрополя составляет ядро и несколько областей, одни из которых могут располагаться в непосредственной близости к ядру (ближняя периферия), а другие на периферии микрополя (дальняя периферия);

3. Внутренняя структура поля понимается как набор корреляций, связывающих семантические единицы;

4. Для поля характерна взаимоопределяемость элементов, выступающая иногда в виде взаимозаменяемости этих элементов;

5. ЛСП не изолированы друг от друга. Каждое слово языка входит в определённое ЛСП, причём, чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одно;

6. Одно семантическое поле может включаться в другое поле более высокого уровня» (Чумак-Жунь 1996). Например, лексика, номинирующая смех, «входит, с одной стороны, в лексико-семантическое поле смеха, а с другой стороны – в качестве микрополя – в лексико-семантическое поле эмоций» (Кузнецов 2005: 11).

В структуре поля могут выделяться объединения слов, связанных отношениями синонимии (лексико-семантические группы) и антонимии. Синонимами называют «близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие о предмете, явлении, действии

и т.д., но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо одновременно обоими признаками» (Фомина 1990:94). Русский язык имеет богатые синонимические средства, что отличает его от многих других языков, составляет его особенность: «в закономерностях синонимического варьирования проявляются характерные для русского языка формы концептуализации действительности» (Черняк 1992:3). Например, в «Повестях Белкина» А.С. Пушкин использует такие синонимы, как «весело» – «радостно»; «угрюмый» – «печальный»; «мучить» – «раздирать» (СРС 2003).

«Антонимы – это слова одной части речи, различные по звучанию и написанию, имеющие прямо противоположные лексические значения. Антонимы возможны у таких слов, значения которых заключают в себе противоположные качественные оттенки, но в основе значений всегда лежит общий признак (вес, рост, чувство, время суток и т. д.)». В отношении противопоставления могут вступать не все слова, а лишь те, которые принадлежат к одной грамматической или стилистической категории. Следовательно, языковыми антонимами не могут стать слова, относящиеся к разным частям речи или лексическим уровням» (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/13.05.2016>). Так, в «Повестях Белкина» в антонимичные отношения вступают, например, «любить» – «ненавидеть»; «горесть» – «веселость»; «смеяться» – «плакать» (САРЯ 1984).

Также между единицами поля могут устанавливаться деривационные отношения, что проявляется в наличии словообразовательных гнезд слов с

одним корнем, однокоренных слов. Однокоренными являются слова, которые в синхронной системе языка имеют живые лексические связи, мотивированные корневой общностью. Согласно точке зрения А.Н. Тихонова, словообразовательное гнездо составляют слова, восходящие к одному корневому слову, в их словообразовательных отношениях. Словообразовательные отношения однокоренных слов в одном гнезде носят строго упорядоченный характер. Они строятся на базе словообразовательных значений. Только исходное (непроизводное) слово не имеет словообразовательного значения. Однако оно тоже участвует в формировании словообразовательных отношений, выступая в качестве производящего» (Тихонов 1989: 11). Например, в «Повестях Белкина» А.С. Пушкин использует для передачи эмоций слова с корнем –смех-: «смеяться», «рассмешить»; -радост-: «радосто», «обрадоваться»; -весел-: «веселый», «веселость», «весело», «развеселиться» и т.д. (МОС 2002).

Во второй главе исследования выявленные нами лексические единицы будут структурироваться с опорой на рассмотренные выше принципы описания ЛСП.

«Результаты экспериментальных исследований говорят о том, что идентификация слова, даже предложенного без «внешнего» контекста, происходит через включение его во «внутренний» контекст, выводящий в сферу ситуативного смысла и эмоционально-оценочных переживаний» (Залевская 2002: 71). Это свидетельствует о важной роли, которую играют

эмоции в языке и в жизни человека. Обратимся в этой связи к эмотивной лексике.

I.3. Эмотивная лексика в лексической системе русского языка

I.3.1. Коннотация как аспект лексического значения

«Лексическое значение слова – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д. Оно представляет собой продукт мыслительной деятельности человека и связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение формируется в процессе активной деятельности говорящих и носит обобщенный и обобщающий характер. Формирование лексического значения слова играет первостепенную роль в познавательной деятельности человека» (ЛЭС 1990:261).

По мнению В.В. Виноградова, лексическим значением слова является его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» (Виноградов 1953: 10).

В лингвистике выделяются следующие аспекты лексического значения: сигнификативное, денотативное, структурное (синтагматическое и парадигматическое), эмотивное.

«Сигнификативное значение – это специфическое языковое отражение объективной действительности, основное языковое содержание лексической единицы. Денотативное значение-предметное значение лексической единицы. Структурное значение представляет собой формальную характеристику свойств лексической единицы, определяющую её место в системе языка» (Зиновьева 2005: 14-15).

Для данной работы важное значение имеет эмотивный компонент лексического значения, потому что он представляет собой «специфическое языковое выражение эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества» (Википедия), т.е. является национально маркированной частью семантики слова. Данный компонент имеет прагматический характер и определяется как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к словам и тому, что они обозначают, а также соответствующее воздействие таких слов на людей. В лексике такого рода отношения закрепляются за словами, обладающими коннотацией (Зиновьева 2005: 17).

Слово *коннотация*, появилось примерно в 1200 г. От латинских слов *connotare* «вместе – (обо-)-значить; или: *connotatio*, от *connoto*- имею дополнительное значение. В XIVв. термин **коннотация** стали применять для различения слов по образу и действию, в зависимости от того, на что они указывают. В частности, говорили о различии конкретных и абстрактных слов. Конкретные слова определялись не только по тому, какими качествами они обладают, но и по тому, обладает ли теми же качествами и их

носитель»(Кропотова 2010: 33).

Л.В. Кропотова замечает, в лингвистике в XIX в. термином «коннотация» стали обозначаться все эмотивно-окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи» (Кропотова 2010: 33), потому что «коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определённое отношение к ним» (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/10.04.2015>).

Тем не менее, несмотря на длительную историю использования данного термина, его определение в лингвистике до сих пор неоднозначно (Кропотова 2010: 33). Спорными являются вопросы установления его границ и, соответственно, объема относимых к данному понятию явлений. В современной лингвистике термин употребляется в широком и узком значении. «Как правило, под коннотацией понимается эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера»(Ярцева 1998: 236).

Широкое понимание данного термина ведет свою традицию от работ Л. Блумфилда, включавшего в коннотативный компонент самые различные оттенки значения (Блумфилд 2002: 155-164), что позволило подвести под этот термин довольно обширный круг ассоциаций и понятий (социально-политических, этнографических, культурологических и др.), которые отражаются в языке(Говердовский 1979: 83-86, 1989: 94).

В узком значении термин коннотация «приложим к понятию сознание—

дополнительным, добавочным смыслам лексического значения (и потому имеющим социальную значимость)» (Скляревская 2004: 18). Как замечает Д.Э. Розенталь, «коннотация – оттенки, которые накладываются на основе значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непринужденности, фамильярности и т.п.» (Розенталь 1976 : 65).

В рамках нашего исследования мы будем рассматривать коннотацию в широком значении, а именно, как многослойную семантическую сущность, узואльно или окказионально входящую в семантику языковых единиц, дополняющую их денотативное содержание и придающую им экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим значением говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи (Телия 1990: 236).

1.3.2. Эмоции, эмоциональность, эмотивность

В основу общей теории эмоций, которая получила название эволюционной, легли положения, опубликованные в 1872 г. Ч. Дарвином в книге «Выражение эмоций у человека и животных» (Дарвин 1940). Было доказано, что эволюционное понимание применимо не только к

биофизическому, но и психолого-поведенческому развитию живого, что между поведением животного и человека непроходимой пропасти не существует. Эмоции, согласно этой теории, появились в процессе эволюции живых существ как приспособительные механизмы, способствующие адаптации организма к условиям и ситуациям его жизни.

Эмоция (от лат. *emoveo* — потрясаю, волную) — психический процесс средней продолжительности, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> 14.04.2015). Эмоции – одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности, что признается представителями разных наук, прежде всего психологами и философами (Кузьмин 1976; Леонтьев 1971,1972; Симонов 1970; Шингаро, 1971и др.). Эти исходные положения у всех исследователей имеют общее уточнение: эмоции – особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом и субъектом познания, т.е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в ее основе мотивами человеческой деятельности.

Процессы обозначения эмоций оказываются достаточно сложными. Так, по наблюдениям Додонова «в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста. В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными словами» (Додонов 1975: 23).

Как пишет В.И. Шаховский, «в человеке все движимо эмоциями, которые составляют мотивационную основу его деятельности и, следовательно, не могут не отражаться в его языке» (Шаховский 1987:7). Особое «свойство субъекта, его способность переживать эмоции, окрашивать свои действия и поступки чувствами и выражать их» понимается как *эмоциональность* (Буянова, Нечай, 2006:43).

Рассматривая языковые функции языка, Р.О. Якобсон помимо референтивной, контативной, фактической, метаязыковой и поэтической выделяет *эмотивную* функцию. Эмотивная (экспрессивная) функция – это ориентация на адресанта, она «сосредоточена на адресанте, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определённых эмоций, подлинных или притворных» (Якобсон 1975: 198). Её цель – выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит (Например: *Ура, этого мальчика зовут Саша!*).

Подведем итог сказанному выше: эмоция – психологическая категория, эмоциональность – это прежде всего особенности склада характера, стремление человека к самовыражению в отличие от экспрессивной (эмотивной) функции, цель которой – прежде всего оказать влияние на адресата с помощью определенных языковых средств. Эмотивность – это область языковая, поскольку эмоции могут и вызываться и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком.

В настоящий момент в лингвистике еще нет единого мнения

относительно *эмотивности*. Мы придерживаемся точки зрения Шаховского В.И., что *эмотивность* – это «имманентно присущее языку семантическое свойство выразить системой своих средств эмоциональность как факт психики» (Шаховский 1987:24).

Критический анализ различных концепций эмотивности позволяет выделить четыре основных подхода в ее рассмотрении: лексикоцентрический подход, коммуникативный подход, психолингвистический подход и когнитивный подход (Калимуллина 2006: 71-80). Для данного исследования актуальным является лексикоцентрический подход, поскольку для решения поставленных необходимо рассмотреть лексические средства передачи эмоций.

Соглашаясь с тем, что эмотивность – категория языка, исследователи понимают ее объем неоднозначно. Можно обнаружить узкое и широкое понимание эмотивности. В первом случае «эта категория соотносится с экспрессивной эмотивной лексикой и либо отождествляется в целом с коннотацией, либо отождествляется с каким-либо из компонентом коннотации: эмоциональным компонентом, оценочностью» (Вольф 1985: 38). Во втором случае эта категория охватывает все языковые, в том числе и лексические средства отображения эмоций (Квасюк 1983:28). Подобное осмысление категории эмотивности предполагает, что она объединяет семантически близкие языковые единицы разных уровней, в том числе и лексику.

В настоящей работе мы придерживаемся широкого понимания категории эмотивности, потому что в нашем исследовании мы стремимся как можно

более полно выявить и описать все лексические единицы, передающие эмоции героев «Повестей Белкина».

Завершая психологический обзор проблемы эмотивности, Л.Г. Бабенко резюмирует: «Учитывая все трудные и нерешенные вопросы психологической теории эмоций, лингвист в первую очередь должен исследовать собственно языковые механизмы обозначения и выражения эмоций, тем более что "чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда они выражены языковыми средствами» (Бабенко 1989: 7). Из этого следует, что механизмы языкового обозначения эмоций и их непосредственного выражения не совпадают. В связи с этим в данной работе мы будем различать лексические средства выражения и описания эмоций. Далее рассмотрим эти средства.

I.3.3. Лексические средства выражения и описания эмоций

Как следует из сказанного выше, в языке передача эмоций осуществляется с помощью особой лексики – эмотивной. В настоящее время рассматриваются различные аспекты языкового отражения эмоций, т.к. не только лексический, все другие «этажи» языка также имеют специальные средства выражения эмоций. Это:

- 1) лексическое описание эмоциональных кинем и просодий;
- 2) лексическое выражение эмоций через употребление эмотивов;
- 3) стилистические средства;

4) синтаксические средства (Шаховский 1987: 97-98).

При этом, как отмечает Л.Г. Бабенко, «основная роль здесь принадлежит, безусловно, лексике» (Бабенко 1989: 3).

Исследователи по-разному анализируют лексические средства передачи эмоций. Модель лексической семантики эмотивного слова включает либо три макрокомпонета: «денотативный (логико-предметный), коннотативный и функционально-стилистический, либо два: денотативный (эмотивный) и функционально-стилистический. Отсюда и два типа эмотивной лексики: аффективы и коннотативы» (Шаховский 1987:180-181).

Аффективы (междометия, бранные и ласкательные слова, эмоционально-усилительные прилагательные и наречия) можно считать специализированными эмотивами, так как выражение эмоций – их единственное назначение. Коннотативы (эмотивная лексика во вторичных, переносных значениях, дериваты с аффиксами эмотивно-субъективной оценки и пр.) выражают эмотивность в связанном виде, опосредованно через логико-предметную семантику (Шаховский 1987:180-181).

Классификация эмотивной лексики может строиться и на основе сочетания категориально-лексической семы эмотивности с категориально-семантическими семами (типа «состояние», «отношение», «воздействие» и др.). Еще В. В. Виноградов указывал, что «значения ряда слов, обозначающих эмоциональное состояние – зол, рад, жаль, стыдно, завидно и др., – являются частью категории состояния, так же, как лексика поля эмотивов входит одновременно и в другие лексико-семантические поля

(пересекаемость парадигм), обнаруживая тем самым системные взаимосвязи лексики и семантики языка» (Виноградов 1953:12). При этом существует тенденция полностью исключать подобную лексику из числа эмотивной: «лексика, обозначающая эмоции, эмотивной не является, она – индикативная, логико-предметная: «зол», «рад», «жаль», «стыдно», «завидно» и пр. – всё это обозначение различных эмоциональных состояний» (Виноградов 1953 13).

С точки зрения Л.Г. Бабенко, «основными классами эмотивной лексики являются грамматические и семантические классы. Грамматические классы включают в себя эмотивные глаголы, эмотивные существительные, эмотивные прилагательные, эмотивные наречия, эмотивные слова категории состояния, эмотивные междометия» (Бабенко1989:64-71). Семантические классы включают в себя функционально-семантический класс слов эмоционального состояния, становления эмоционального состояния, эмоционального воздействия, эмоционального отношения, слов внешнего выражения эмоций и слов эмоционального качества (Бабенко 1989:71-82).

С учетом лексической и функциональной семантики классы эмотивной лексики распределяются следующим образом:

1. Эмотивы-номинативы базовые:

- 1) первичные изосемические предикаты эмоций с исходной категориально-эмотивной лексической семантикой типа *веселиться*;
- 2) вторичные неизосемические предикаты эмоций с производной эмотивной семантикой типа *каменеть*;

3) эксплицитные включенные предикаты эмоций с категориально-эмотивной семантикой типа *веселый, весело* (нареч.)

4) эксплицитные включенные предикаты эмоций с производной категориально-эмотивной семантикой типа *казнь*;

2. Эмотивы-номинативыдополнительные:

1) Имплицитные (скрытые) включенные предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой типа *глупыш, засмотреться/засматриваться*;

3. Эмотивы-номинативыэкспрессивны:

1) собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия) типа *Ах! Увы!*;

2) эмотивы-коннотативы типа *пижон, лизаться* (Бабенко1989:86-87).

Для нашей работы данная классификация имеет важное значение, т.к. в ней представлены как средства выражения эмоций (Эмотивы-номинативы экспрессивны: 1.«Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!» (Барышня-крестьянка). 2. «Встречая победителей, кричали они (женщины): ура!» (Метель)), так и средства их описания (Эмотивы-номинативы базовые: (Марья) чуть не заплакала (когда она втайне прощалась с отцом и матерью) (Метель); эмотивы-номинативы дополнительные: Барышни заглядывались на него (на Алексея Берестова) (Барышня-крестьянка)). Это позволяет нам рассматривать данные единицы в единых рамках как *средства передачи эмоций*. При этом мы полагаем, что «следует принципиально различать спонтанное языковое выражение эмоций (их прорыв в речь) и их осознанное

выражение (т.е. описание)» (Шаховский 1987:98). В первом случае эмоция на уровне реализации представляет собой не непосредственное чувство, лишь логическую мысль о нём, например: «*Боже мой, боже мой!*» – сказала Марья. Марья Гавриловна так воскликнула, когда узнала, что Бурмин именно тот, за кого она, будучи в полуобморочном состоянии по ошибке вышла замуж.

В различных языках существуют специальные единицы, которые служат для описательной передачи эмоционального состояния субъекта. В.И. Шаховский приводит примеры на материале английского языка: 1) наречия- *icily, viciously, lovingly*, и т.д. 2) глаголы- *wail, shriek, whine* и т.д. 3) существительные, куда включаются и все термины эмоций с предлогом *with*^ *withlove/ malice, dislust*. 4) существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций: *tears, laughter, smile*...5) прилагательные- *angry, contemptuous, happy* (Шаховский 1987:180). Подобные средства существуют и в китайском языке- наречие-快乐地(радостно); глаголы- 笑起来(улыбаться) существительные с предлогом- 带着微笑(с улыбкой); существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций- 微笑(улыбка); прилагательные-愉快的(веселый). Как следует из примеров, для обозначения тех эмоций, которые не получили в языке словесного обозначения, используются развернутые словосочетания, которые участвуют наравне со словесными единицами в закреплении эмоционального опыта говорящих. По этим описаниям узнаются эмоции говорящих и идентифицируются их эмоциональные состояния.

В нашем исследовании мы будем анализировать средства выражения и

описания эмоций в конкретном художественном тексте. Рассмотрим в этой связи основные особенности языка художественной литературы.

I.4. Особенности языка художественной прозы и эмоциональная составляющая художественного текста

Своеобразие художественных текстов, по мнению одних ученых (см., например, Колшанский, 1980), касается только речевой формы. По мнению других, специфика художественных произведений заключается в том, что «с одной стороны, это категория эстетическая, идеальная, с другой –языковая, материальная» (см., например, Кухаренко 1980: 3). Специфика художественного текста обусловлена, с данной точки зрения, его двойственной природой: «эстетической, идеальной, и языковой, материальной. Именно поэтому художественный текст будет всегда интересен не только читателю, но и исследователю» (Болотнова 2007:215). Данная позиция представляется нам более обоснованной и убедительной.

Эстетическая функция литературного произведения обусловлена антропоцентризмом художественного текста (его ориентацией на человека), что предполагает воздействие на адресата как красотой и целесообразностью художественной формы, так и концептуальностью содержания, способного «заражать» читателя сопереживанием, рождать «лирическую эмоцию». Художественному тексту свойственны «динамичность, избыточность и недосказанность, конкретность и неопределенность литературных

произведений» (Виноградов 1971 : 7; Чернухина 1984; Колшанский 1980 и др.).

Художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления. По мнению Н.С. Валгиной, «в художественном тексте жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора. По этой причине за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, «вторичная деятельность» (Валгина, 2004: 114-115).

Среди информативных составляющих художественного текста важное место занимает эмотивно-побудительная. «Ее сущность заключается в том, чтобы передавать в тексте чувства, переживания, эмоциональные состояния, побуждения и пр., присущие как автору, так и героям произведения» (Кулибина 2001: 132).

С точки зрения структурной организации, художественному тексту присуща «особая сложность и полифункциональность: в нем активно используются те аспекты и ярусы структуры, которые в других видах речевой коммуникации остаются ненагруженными. В результате структура художественного текста приобретает многослойность со специфическими неиерархическими соотношениями между слоями» (Николюкин 2001:1064). Так, в отличие от текстов нехудожественных, конструктивную роль в них признаны «выполнять не рационально-логические, а эмоционально-риторические структуры» (Одинцов 1980: 27). Рационально-логические структуры соотносят текст с действительностью, а эмоционально-

риторические – с интерпретацией действительности. Эмоциональность, пронизывающая художественный текст, бывает сопряжена с другой составляющей художественного текста – образностью, «способность вызывать систему представлений» (Сорокин 1982:62), хотя это и не обязательно. Средства образности подчинены эстетическому идеалу художника: «художественное слово оказывается практически понятийно неисчерпанным» (Валгина 2004: 115).

Другой важной особенностью художественного текста является специфика использования в нем языковых средств. «Языковой уровень (эстетическая речевая система) художественного текста – это функционирующая в нем и данная в композиционном развитии система изобразительных средств языка, посредством которых выражается идейно-эстетическое содержание литературного произведения» (Новиков 2003: 16).

К системно-языковым качествам художественного текста относятся: «предикативность, номинативность, морфо-синтаксическая структурность, модальность, определенность – неопределенность, выразительность, многозначность, узуальность – окказиональность» (Сидоров 1987:67).

Языковой уровень обнаруживает, в свою очередь, различные ярусы: «лексический (семантический), грамматический (морфологический и синтаксический), словообразовательный, фонетический и др. Употребляясь для выражения определенных семантических и стилистических функций, единицы одного яруса и единицы различных ярусов постоянно

взаимодействуют друг с другом в тексте» (Новиков 2003: 16). Так, например, особенности синтаксиса находятся в неразрывной связи с особенностями их лексического наполнения: «классическая проза основана на культуре семантико-логических связей, на соблюдении последовательности в изложении мыслей», ритмика в прозе опирается на «приблизительную соотнесенность синтаксических конструкций»; отмечается отсутствие соизмеримых отрезков в ней (Виноградов 1980:185).

Нам наиболее интересен, безусловно, лексический ярус, в частности, та его область, которая обслуживает передачу проявляемых человеком эмоций.

Художественный стиль предполагает предварительный отбор языковых средств, при этом для создания образов используются все языковые средства. Это предполагает использование всего лексического богатства языка, обращение к возможностям других функциональных стилей, образность и эмоциональность речи (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> 22.04.2015). При этом эмоциональность художественного стиля отличается от эмоциональности разговорно-бытового и публицистического стилей, т.к. в данном случае она выполняет эстетическую функцию.

Будучи важным художественным жанром, повесть обладает всеми особенностями художественного текста. Ярким примером реалистической прозы XIX века стал цикл А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

Выводы

На основе прочтения и анализа научных работ по теме исследования, а также собственных размышлений сделаны следующие выводы:

Язык – многофункциональное явление. Закрепленное в языковой практике отношение говорящих (адресантов) к словам и тому, что они обозначают, а также соответствующее воздействие таких слов на адресата неразрывно связано с такой важной коммуникативной составляющей, как эмоции. В процессе общения и взаимодействия люди постоянно выражают свои эмоции, и успешность их взаимопонимания во многом зависит от правильного понимания одним человеком эмоциональных переживаний другого.

В работе мы разграничиваем соотносимые и взаимосвязанные понятия *эмоции*, *эмоциональность* и *эмотивность*. Эмоции понимаются в работе как психические явления, отражающие переживания конкретного человека и связанные с удовлетворением (положительные) или неудовлетворением (отрицательные) его интересов. В результате соединения двух и более эмоций возникает сложное комплексное эмоциональное состояние. Эмоциональность рассматривается нами как свойство человека, качество языковой личности, ее функция сводится к внешней передаче человеком своего эмоционального состояния и отношения к миру. *Эмотивность* – одна из основных языковых функций – языковая категория, представляющая собой имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражать в семантике

языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции.

В семантической структуре слова эмотивный аспект значения играет существенную роль, поскольку дополняет денотативное содержание лексем и придает им экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим значением говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому. Несмотря на большое количество существующих классификаций эмотивной лексики (см, напр. Бабенко, Шаховский), исследователи едины в том, что эмоции делятся на положительные и отрицательные.

Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. В связи с этим можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмоций.

Структурировать разнообразные средства передачи эмоций можно с использованием полевого метода, поскольку эмотивная лексика, как и вся лексика русского языка, представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня. Во внутренней структуре поля могут вычленяться более мелкие подгруппы, связанные, в частности, отношениями синонимии, антонимии, общностью корневых морфем (деривационные отношения). «Деривационные отношения между единицами лексико-семантического поля наглядно проявляются в словообразовательных гнездах однокоренных слов» (Зиновьева 2005 : 38).

Важное значение отводится эмотивной лексике в художественном тексте: конструктивную роль в художественных текстах признаны выполнять эмоционально-риторические структуры, эмотивно-побудительная составляющая входит в число информативных составляющих художественного текста.

Языковой уровень (эстетическая речевая система) художественного текста – это функционирующая в нем и данная в композиционном развитии система изобразительных средств языка, посредством которых выражается идейно-эстетическое содержание литературного произведения. Он обнаруживает разные ярусы, среди которых наиболее важным для нас является лексический ярус.

Дальнейшее исследование будет связано с выявлением и структурированием лексических средств передачи эмоций в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ В ЦИКЛЕ «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»

II.1. Особенности языка художественной прозы А.С. Пушкина

В языке А.С. Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование. В нем прямо или косвенно отразилась вся история русского литературного языка, начиная с XVII в. До конца 30-х годов XIX в. А.С. Пушкин определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя. Необычайно глубоко писал о роли Пушкина как русского национального поэта Н.В. Гоголь: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство» (Гоголь 1835: 14).

Рассматривая роль А.С. Пушкина в преобразовании русского языка, В.В. Виноградов отмечает: «Пушкин прежде всего произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи и которые вступали в противоречивые отношения в разнообразных диалектологических и

стилистических столкновениях и смешении языков до начала XIX в.» (Виноградов 1982:263). Стремление к концентрации живых сил русской национальной культуры речи нашло свое выражение в следующем: употребление элементов живой русской речи. А.С. Пушкин несколько ограничил литературные права русского просторечия и простонародного языка, в особенности разных областных говоров и наречий, а также профессиональных диалектов и жаргонов, рассматривая их с точки зрения глубоко и своеобразно понимаемой им «исторической характерности» и «народности», подчинив их идеальному представлению об общепонятном языке «хорошего общества». При этом обращение «к свежим вымыслам народным и к странному просторечью» поэт считал одним из наиболее существенных признаков «зрелой словесности» (Виноградов 1982: 250 - 253).

Качественный сдвиг в развитии русского литературного языка не мог быть осуществлен лишь в области языка стихотворного, необходимы были преобразования в области языка прозаического. Остановимся на этом подробнее.

Движение русской литературы по пути к реализму и русского литературного языка по пути становления единых общенациональных норм было связано с развитием прежде всего прозаических повествовательных жанров. Язык прозы, свободный от разного рода поэтических условностей, открывал широкие возможности в выборе слов, грамматических конструкций и композиционных построений. К тому же прозаический язык был естественнее и прочнее связан с разговорным языком, чем язык

стихотворный, и связь эта была двусторонней. «Ведь стили литературной прозы, - писал В.В. Виноградов,- питаюсь «устным» творчеством общества, в то же время сами влияли на бытовую речь читателей, определяли нормы и содержание разговорного языка интеллигенции» (Горшков 1993: 140).

Особое внимание художественной, критико-публицистической и научной прозе и ее языку А.С. Пушкин стал уделять с конца 20-х годов XIX века. В 1822 г. он написал заметку «О прозе», которая явилась программой его деятельности в области прозаического языка. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы, — писал Пушкин. — Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Позже, осуждая «поэтизацию» прозы, Пушкин писал: «У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления формы». В 1835 г. Пушкин развивает эти мысли: «Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему» (Томашевский, Левин 1954: 85-86). Качества, которые Пушкин считал основными качествами литературного языка: «народность, благородная простота, искренность и точность выражения, точность и краткость, отсутствие напыщенности, соразмерность и сообразность, — нашли полное воплощение в языке его художественной прозы» (Филкова 1999: 133).

Для нашего исследования имеет большую ценность тот факт, что «пушкинская реформа русской повествовательной прозы в первую очередь

связана с использованием языковых средств, соответствующих по своему значению, эмоциональной окраске и сферам употребления изображаемой среде, характерам персонажей, а также выражению их чувств и переживаний» (Горшков 1993:142).

Народно-разговорные, просторечные и «простонародные» элементы выступают у Пушкина с той или иной стилистической «нагрузкой» и с экспрессивной подчеркнутостью при стилизациях и в языке персонажей. Например, в репликах работницы гробовщика Адриана Прохорова (повесть «Гробовщик»): « - Что ты, батюшка? Не с ума ли *спятил*, али хмель вчерашний, еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца — воротился пьян, *завалился* в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблаговестили».

Реформы коснулись не только лексики, но и синтаксиса. А.С. Пушкин не навязывает русскому языку чуждых ему синтаксических норм, а теснее сближает синтаксис литературного языка с конструкциями живой разговорной речи. «Он вступает в борьбу с тем засилием категорий качества и эмоциональной оценки (т.е. форм прилагательных, причастий, наречий, относительных предложений и описательных выражений), засилием, которое характеризовало европеизированный язык писателей, следовавших за Карамзиным» (Виноградов 1982:275).

Обновление повествовательного стиля в прозе связано также с признанием основной конструктивной роли глагола. «Реформа синтаксиса основана в первую очередь на признании преимуществ глагола и имени

существительного и связана с изменениями форм времени, а, следовательно, и приемов сочетания предложений (повествовательных единиц). Все члены предложения нанизываются почти непосредственно на глагол. Совершенно почти нет распространенной, цепной зависимости от существительных в форме, например, родительного определительного»(Томашевский , Левин 1954: 22).

«По подсчетам исследователей, в «Пиковой даме» 40% глаголов, 44% существительных и 16% эпитетов. (Для сравнения: в «Мертвых душах» 50% существительных, 31% глаголов и 19% эпитетов.)» (Томашевский , Левин 1954: 24). Однако смысловая и стилистическая весомость глаголов не означает у Пушкина пренебрежения выразительными возможностями других частей речи. «Каждое слово отбирается с максимальной тщательностью и сочетается в предложении с другими словами с максимальной точностью. В результате и рождается та «прелесть нагой простоты», которая является основой выразительности пушкинской прозы » (Орлова 1937: 11).

В пушкинской повествовательной прозе немало отрезков, синтаксическое построение которых идет от частей относительно распространенных к частям предельно кратким. Нередко отрезок заканчивается предложениями (соединенными бессоюзно или с помощью сочинительных союзов), состоящими всего из двух слов: подлежащего и сказуемого. В таких отрезках (как и вообще в прозе Пушкина) большая смысловая и стилистическая роль принадлежит глаголам, благодаря которым описываемые события складываются в определенную логическую картину.

Например, в «Станционном смотрителе»: *«Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довести ее до церкви»*. Еще пример в «Барышне – крестьянка»: *«Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму»*.

Изображение чувств и мыслей персонажа часто осуществляется автором с помощью «непрямой речи». Например, в «Барышне – крестьянка»: *«Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться»*.

Исследователи отмечают такой характернейший для Пушкина прием, как передача целого комплекса понятий и эмоций через деталь, выраженную часто всего несколькими словами, а иногда и всего одним словом (Лежнев 1966: 85). Например: *Обширный кабинет был убран со всевозможною роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало*. Эти описания указывают на детали, очень важные с точки зрения логики развертывания художественного повествования. Они указывают на обстановку, в которой живут граф и графиня, а также на то, что повествователь оробел и ждал графа с трепетом.

У Пушкина осуществляется синтез объективного и субъективного начал в повествовании, которое выполняет одновременно и функцию сообщения, и функцию воздействия. Например: *Долго стоял он неподвижно, наконец*

увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел... Отошеднекоторо шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. В.В. Виноградов считал, что именно в этом отрывке «впервые изобретен был Пушкиным» и реализован принцип показа внутренних переживаний через внешние проявления, «жесты» (Виноградов 1982:277).

Пушкин обратился к прозе во второй половине 20-х годов. Начатые в то время «Арап Петра Великого» и «Роман в письмах» (оба названия даны редакторами) остались незаконченными. Первое законченное и напечатанное Пушкиным прозаическое произведение – «Повести Белкина» – было создано осенью 1830 г. в Болдине. Рассмотрим подробнее данное произведение с точки зрения передачи эмоциональных переживаний его героев.

II.2. Общая характеристика материала и принципы его классификации

Нами собран материал по теме работы. По данным нашей картотеки, количество лексических средств, служащих для передачи эмоций героев в «Повестях Белкина», составляет 130 единиц. Для того, чтобы произвести дальнейшее деление нашего материала, мы обратились к исследованиям, в которых представлены классификации эмотивной лексики. Мы выяснили, что в настоящий момент существует большое количество различных

классификаций. Различие в выборе основ классификации связано с тем, что эмотивная лексика русского языка оказывается одновременно достаточно сложной и привлекательной, и ученые пытаются исследовать ее с разных точек зрения, как отмечает Ю.А. Кузнецов, «одной из центральных проблем описания эмотивной лексики является создание ее единой классификации.» (Кузнецов 2005: 11).

Так, например, с точки зрения Шаховского В.И., модель лексической семантики эмотивного слова включает либо три макрокомпонента: денотативный (логико- предметный), коннотативный и функционально-стилистический, либо два: денотативный (эмотивный) и функционально-стилистический. Отсюда и два типа эмотивной лексики: аффективы и коннотативы. По мнению ученого, «классификация эмотивной лексики может строиться и на основе сочетания категориально-лексической семы эмотивности с категориально-семантическими семами (типа «состояние», «отношение», «воздействие» и др.)» (Шаховский 1987: 181).

Как отмечалось выше, с точки зрения Бабенко Л.Г., классы эмотивной лексики распределяются следующим образом: «1. эмотивы-номинативы базовые; 2. эмотивы-номинативы дополнительные; 3. эмотивы-номинативы экспрессивные» (Бабенко 1989:86-87).

Наиболее убедительной нам представляется классификация, представленная в Словаре эмотивной лексики русского языка под ред. Н.Ю. Шведовой. Весь огромный массив русской эмотивной лексики организован в словник и распределен по классам с учетом типа обозначаемой эмоции.

Всего выделено 37 основных классов. В их основе – универсальные репрезентанты базовых эмоций, такие как *беспокойство, вдохновение, вера, влечение, высокомерие, горе, грусть, доброта, дружба, жалость, желание, жестокость, злость, искренность, лицемерие, любовь, любопытство, наглость, надежда, неверие, недовольство, неприязнь, обида, одиночество, одобрение, протест, равнодушие, радость, смелость, смирение, сомнение, спокойствие, страх, стыд, уважение, удивление, удовольствие*, соотносимые с базовыми концептами эмоций русского человека (концептосферы "любовь", "тоска", "горе", "радость", "страх" и др. в русском языковом сознании) (Словарь эмотивной лексики русского языка: <http://lexrus.ru/> 30.04.2015).

В собранном нами материале можно выделить 18 из 37 указанных подгрупп: лексические средства передачи *любви, радости, удовольствия, спокойствия, любопытства, жалости, одобрения, стыда, удивления, беспокойства, горя, грусти, злости, равнодушия, страха, обиды, жестокости, неприязни*.

Базовые эмоции обеспечиваются врожденными нейронными программами, и большинство базовых эмоций является врожденными (Базовые эмоции: <http://www.psychologos.ru> 10.05.2016). Исследователи по-разному относятся к базовым эмоциям. Например, с точки зрения Изарда К., базовые эмоции включают в себя интерес-волнение, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. А с точки зрения Н. Ю. Шведовой, все 37 классов эмоций, как отмечалось выше, являются базовыми эмоциями.

Как следует из анализа контекстов, каждая из этих эмоций может стать основой целого спектра эмоционального состояния человека, например: *Владимир начинал сильно беспокоиться (Метель)*, потому что время шло, а он заблудился. В данном контексте беспокойство представляет собой комплекс базовых эмоций, включающих страх и печаль. (Такие примеры мы отмечаем знаком * в Приложении 1.) В результате соединения двух или более эмоций возникает более сложное комплексное эмоциональное состояние. Как отмечает Изард К. «Эмоциональный комплекс – эмоции разной направленности, придающие мотивационную окраску сигналам внешней среды, которые активизируются одновременно» (Изард 1999). В число задач нашей работы нашей работы входит анализ основных, базовых эмоций. Обращение к анализу комплексного эмоционального состояния героев также представляет значительный интерес, но это составляет перспективы нашего дальнейшего исследования.

Как говорилось выше, эмоции человека бывают положительными и отрицательными, поэтому все отобранные нами единицы мы разделили на две основные группы – лексические средства передачи положительных эмоций и лексические средства передачи отрицательных эмоций. К числу положительных относятся *любовь, радость, удовольствие, спокойствие, любопытство, жалость, одобрение, удивление* (8). К числу отрицательных мы относим *горе, грусть, злость, равнодушие, страх, обида, жестокость, неприязнь, беспокойство, стыд* (10). В первую группу вошла 51 единица, во вторую – 79 единиц.

В свою очередь лексические средства передачи эмоций включают лексические средства их выражения и описания. Под выражением эмоций мы понимаем их «снятие языком», манифестацию в речи, сопровождаемую внутренним и внешним переживанием. «Выражение эмоций – это непосредственная коммуникация самих эмоций, а не их обозначений, их языковое проявление» (Витт 1983: 52). В различных языках существуют специальные единицы, которые служат для описательной передачи эмоционального состояния субъекта (См. об этом, напр., Шаховский 1987).

Сказанное позволило нам произвести внутреннее деление единиц на микрогруппы: лексические средства, служащие для описания (116) и служащие для выражения (14) эмоционального состояния героев «Повестей».

Положительный или отрицательный характер эмоций зависит от индивидуальных внутренних процессов взаимодействия субъекта и окружающей среды, потому что эмоции имеют ярко выраженную субъективную окраску (Вартанян, Петров 1989: 15). На этом фоне мы рассматриваем *удивление* как «плавающую» эмоцию: ее положительная или отрицательная окраска зависит от ситуации, от причины, которая вызвала удивление. Например, в повести «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина удивление описывается в следующих контекстах: *Мысли поразили Алексея.* Речь идёт о мыслях и чувствах Лизы, которые показались Алексею необыкновенными. Здесь причина удивления является положительной, так как Алексей влюблён в Лизу и всё в ней ему нравится. В другом описании: *Изумленный Алексей.* Причина изумления отрицательная для героя – отец

приказал ему жениться, а у Алексея уже есть любимая девушка.

Дальнейшее парадигматическое описание полученных лексических множеств эмотивной лексики предполагает обнаружение семантических комплексов, характерных для каждой группы слов. На их основе внутри полученных объединений мы будем выявлять функционально-семантические особенности входящих в них единиц и производить дальнейшую классификацию.

Полученные данные мы структурировали в виде следующей схемы:

Схема 1

II.3. Лексические средства передачи положительных эмоций

Положительные эмоции – «понятие исключительно распространенное, однако его содержание, казалось бы предельно душевно понятное, не вполне очевидно». Наиболее близким кажется под "положительными" эмоциями (а также положительными чувствами и состояниями) понимать те, которые имеют приятный эмоциональный фон, переживаются как то или иное удовольствие. Обычно это эмоции, которые человек переживает при достижении цели, когда получает то, что он хотел – эмоции радости, спокойствия, любви (Психологос: <http://www.psychologos.ru/> 15.12.2015). Рассмотрим особенности лексических средств их передачи в «Повестях Белкина».

Ввиду ограниченности объема работы, рассмотрим в качестве примера две подгруппы: *любовь* и *радость*.

II.3.1. Лексические средства передачи любви

Пушкин сам по себе был романтичным и легко увлекающимся человеком. «Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена», – признался как-то Пушкин в письме княгине В.Ф. Вяземской весной 1830 года (Библиографии знаменитых людей: <http://library.by/shpargalka/belarus/biography/003/bgr-115.htm> 10.09.2015). Может быть, это откровение было шуткой или молодецкой бравадой. Но, так или иначе, любовный опыт поэта, зафиксированный современниками,

чрезвычайно богат. Возможно, по этой причине в повестях значительное место занимает тема любви и описание любовных переживаний героев.

В составе данной подгруппы две микрогруппы: 1. лексические средства выражения и 2. лексические средства описания любовных переживаний героев.

Лексических средств выражения любви крайне мало. В двух случаях автор использует для их выражения глагол «любить», что позволяет однозначно расценивать эмоции героев: 1. *Я вас люблю* (Выстрел); 2. *«Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...»* (Метель).

В остальных случаях для того, чтобы отнести те или иные лексические средства к средствам выражения эмоции *любовь*, нужно обращаться к поддержке контекста. Например, употребление слова «милый» без поддержки контекста не позволяет однозначно решить этот вопрос. Согласно данным словаря языка А.С. Пушкина, это слово может означать «славный, приятный, симпатичный; дорогой, любимый, близкий сердцу, душе» и проч. (СЯП 2000, Т.2:611-612). Так, в случае *«Ах, Настя, **милая** Настя! Какая славная выдумка!»* (Барышня-крестьянка) – «милый» реализует значение «приятный, симпатичный», потому что Настя подала Лизе хорошую идею встречи с Берестовым.

Лексема «милый» служит для выражения любви в следующих контекстах: 1. *«**Милая**, – сказал я ей, разве ты не видишь, что мы шутим?»* (Выстрел); 2. *«Добрая, **милая** Марья Гавриловна!»* (Метель). В первом случае граф обращается к своей жене, и логично предположить, что она любима

мужем. Во втором случае, Бурмин сопровождает свои слова невербальными средствами выражения эмоций: он бросился к ногам Марьи Гавриловны.

Средства описания любви. Для описания любовных чувств героев А.С. Пушкин использует фразеологизмы: «влюблен без памяти», «бросать пламенные взгляды на кого-либо», «сходить по кому с ума». В обоих случаях выражена высокая степень проявления чувства.

Так, согласно данным ФС, делать что-либо «без памяти» : 1. Очень сильно, страстно, до самозабвения (любить кого-либо, увлекаться кем-либо и т.п.): 2. Очень быстро, стремительно, ни на что не обращая внимания (бежать, нестись, лететь и т.п.) (ФС 1986 309). *Мой Алексей был уже **влюблен без памяти***(Барышня-крестьянка). Приведенный пример относится к первому толкованию. *Барышни **сходили по нем с ума*** (Барышня-крестьянка). «Сходить с ума по ком-либо» – не давать отчета в своих поступках, действиях, совершая безрассудные поступки, неистовствовать, проявлять чрезмерное восхищение, и восторг (ФС 1986 465).

Употребление существительного «страсть» также усиливает проявление чувств героя: страсть – сильное, напряженное чувство, переживание, неудержимое влечение, стремление к чему-либо, сильная, пылкая любовь к лицу другого пола, любовное, чувственное влечение (СЯП 2000, Т.4: 438). *Молодой человек **пылал равною страстию*** (Метель); *Алексей **говорил языком истинной страсти*** (Барышня-крестьянка).

*Черные глаза с таким **огнем*** (Метель). Когда Бурмин собирается признаться Марье Гавриловне в любви, он смотрит ей в лицо и его черные

глаза *горят огнем*. В данном случае «огонь» используется для отражения внутреннего состояния человека, его внутреннего горения, пыла, жара, воодушевления, вдохновения (СЯП 2000, Т.3: 78).

Аналогична роль прилагательного «пламенный»: *(Барышни) бросали на него (на Алексея Берестова) пламенные взгляды* (Барышня-крестьянка).

«Пламенный» – Восторженный, воодушевленный, пылкий, страстный, выражающий какое-н. сильное чувство, страсть (СЯП 2000, Т.4: 433). Пламя любви – страсть (Даль 1880: 481).

Заметим, что в современном толковании данных лексем, по сравнению с толкованием в словаре языка Пушкина, присутствуют значения, связанные с их конкретными физическими характеристиками. Например, в толковании «пламенный» есть следующие значения: ярко горящий, пылающий (костер, печь). Ярко или оранжево-красный, цвета пламени (БТСРЯ 1998: 837). В толковании лексемы «огонь»: Явление горения, высшая степень жара (БТСРЯ 1998: 899). При этом мы заметили, что в произведениях А.С. Пушкина эти слова употребляются только для описания внутреннего состояния человека.

Любовные чувства также описываются с помощью действий, выражаемых глаголами «целовать», «заглядываться». Спектр ситуаций, в которых возможно свершение действия, выраженного глаголом «целовать» по отношению к человеку, достаточно широк. Помимо знака любви, это возможно при встрече или прощании (БТСРЯ 1998 : 410), для проявления уважения, радости, а также при прощании с покойником (Даль 1880: 703). По

этой причине при использовании данного глагола в языке, очень важна поддержка контекста. Когда Лиза согласилась принять Берестовых, *отец поцеловал ее в лоб*, выражая таким образом любовь к дочери.

Словообразовательная модель «за – глагол – ся», по которой образован глагол «заглядываться», реализует значение интенсивности, чрезмерность действия, доведение его до предела (Добровольская, Барыкина 2009 :188). «Заглядываться» – увлечься пристальным рассматриванием кого-, чего-либо (БТСРЯ 1998 316). *Барышни заглядывались на него* (на Алексея Берестова) (Барышня-крестьянка).

Итак, данную подгруппу образуют лексические средства, служащие для передачи эмоции *любовь*. Любовные переживания героев повестей передаются с помощью как лексических средств их выражения, так и описания. При этом средств выражения эмоции *любовь* меньше, чем ее описания. Наблюдается высокая степень проявления любовных эмоций, что достигается с помощью использования лексем с семантикой горения, той или иной степенью жара: «огонь», «пламенный», «пылать».

В большинстве случаев средств выражения оказывается недостаточно для однозначного понимания данной эмоции и требуется поддержка контекста.

II.3.2. Лексические средства передачи радости

В подгруппу *радость* входит самое большое количество единиц.

Среди них лексических средств выражения радости очень мало – только 3. Автор использует для этой цели междометия «ура», «ой», «боже мой». Из них однозначно служащим для выражения радости является «ура», которое выражает одобрение чего-либо, восторг по поводу чего-либо (БТСРЯ 1998 321): *Встречая победителей, кричали они (женщины): ура!* (Метель).

В других двух случаях, для того, чтобы отнести данные междометия к средствам выражения эмоции *радость*, как и в случае выражения любви, нужно обращаться к поддержке контекста. Согласно данным словаря языка А.С. Пушкина, «ой» может означать «1. как выражение неожиданной боли, испуга; 2. как выражение досады, сожаления, предупреждения о возможных трудностях; 3. как выражение радости, восхищения и т. п.; 4. для эмоционального подчёркивания высокой степени проявления какого-л. признака» (СЯП 2000 Т.3: 135). В нашем случае «ой» служит для выражение радости гробовщика, который узнал, что его страхи был в лишь во сне: «*Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик*» (Гробовщик). Поддерживающую роль выполняет лексема «обрадованный».

«Боже мой» кроме радости выражает также удивление, негодование (БТСРЯ 1998 : 42). Марья Гавриловна так воскликнула, когда узнала, что Бурмин именно тот, за кого она вышла замуж, будучи в полуобморочном состоянии. С нашей точки зрения, в данном случае героиня одновременно выразила свою и радость, и свое удивление, т.к. понравившийся ей Бурмин неожиданно оказался ее законным мужем: «*Боже мой, боже мой!*» – сказала Марья.

Для описания радостных чувств своих героев А.С. Пушкин использует **фразеологизмы**: «быть в духе», «бросать в воздух чепчики». «Быть в духе» – быть в хорошем настроении (СЯП 2000, Т.1 :753): *Хозяин был чрезвычайно в духе* (Выстрел). Второй фразеологизм – о чрезмерных восторгах женщин (намек на кидание в воздух шляп и шапок ликующими мужчинами) (Толково-фразеологический словарь Михельсона: <http://enc-dic.com/michelson/Frazeologija-11359> 10.10.2015). В выражении «бросать в воздух чепчики» классики русской литературы вкладывали очень много иронии. Ср. в «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». Цитата используется для передачи шутивно-иронической характеристики общественного подъема после победы над Наполеоном в 1812 году. К французской пословице в буквальном переводе, обращался Лев Толстой в романе «Анна Каренина»:— «*Новая манера, — сказала она. — Они все избрали эту манеру. Они забросили чепцы за мельницы*». «Если вчитаться в контекст всех трех процитированных произведений, то можно эту иронию отчетливо уловить, но у нас уже сложился стереотип, что таким образом женщины выражают свою радость и гордость за солдат-победителей» (Shkolazhizni.ru): «*И в воздух чепчики бросали*» (Метель).

Радостные чувства также описываются **глаголом смеяться и его синонимами** – «улыбаться», «смеяться», «хахатать»; и «рассмешить», «обрадоваться». «Внешнее проявление эмоционального состояния, обозначаемого глаголом смеяться, его интенсивность, степень самоконтроля

могут варьироваться» (Кузнецов 2005: 18). Как следует из сопоставления словарных дефиниций, разница в значении этих единиц заключается в степени полноты проявления действия, выразительности смеха и стилистике. В наименьшей степени радость выражает глагол «улыбаться» – улыбкой выразить чувство радости, удовольствия или иронии, насмешки; смеяться молча (СЯП 2000, Т.4: 716): «*Лиза улыкнулась восторгу его благодарности*» (Барышня-крестьянка), когда она наконец-то увидела своего Алексея. В случае «*Череп его ласково улыбался гробовщику*» (Гробовщик), «улыбался» помимо радости выражает иронию и насмешку, потому что череп недоволен хитрым гробовщиком.

В наибольшей степени радость выражает глагол «хохотать» – громко смеяться (СРС 2003: 421), заливаться смехом или гоготать. Глагол характерен для разговорного стиля (БТСРЯ 1998: 910). «Состояние, обозначаемое глаголом хохотать, практически не поддается контролю» (Кузнецов 2005: 18). «Хохотать» употребляется в двух контекстах. 1. «*Лиза хохотала от души*» (Барышня-крестьянка). 2. «*Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов*». *Все захохотали*. (Гробовщик). В первом случае «хохотать» однозначно выражает радость: Алексей божился Лизе, что она лучше всевозможных «беленьких барышень». А во втором случае «хохотать» выражает и радость и иронию, потому что все гости начали громко смеяться, когда услышали шутку в адрес гробовщика.

Обычный смех служит, как правило, для выражения веселья, т.е. глагол занимает промежуточное, нейтральное положение между «улыбаться» и

«хохотать»: *Лиза смеялась*, когда она нарядилась крестьянкой (Барышня-крестьянка).

Глагол «рассмешить» близок к «смеяться». «Рассмешить» – привести в веселое настроение (СЯП 2000, Т.3: 968), заставить смеяться (БТСРЯ 1998: 456). Разница в том, что в данном случае важен источник возникновения радости человека: *Алексей было хотел обнять ее, но Лиза отпрыгнула от него и приняла на себя такой строгий и холодный вид. Это рассмешило Алексея* (Барышня-крестьянка). Словообразовательная модель «раз– глагол–ся», по которой образован глагол «развеселиться», реализует значение «постепенно нарастающее интенсивное действие или состояние» (Добровольская, Барыкина 2009: 104): *Адриан тил с усердием и до того развеселился* (Гробовщик).

Глагол «обрадоваться» используется для передачи радости человека, которая не обязательно должна быть выражена, например, смехом. «Обрадоваться» – испытывать, выражать свою радость по поводу чего-нибудь (СЯП 2000, Т.3: 956-957). Данная лексема употребляется в следующих контекстах: 1. *Обе (Лиза с Настей) обрадовались ей* (т.е. идее нарядить и накрасить до неузнаваемости Лизу при посещении Берестовых) (Барышня-крестьянка); 2. *Муромский обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом* (Барышня-крестьянка) 3. *«Изрядно, - отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого»* (Выстрел). Как следует из примеров, поддержка контекста в данном случае очень важна.

Радость героев также непосредственно выражают имена **существительные** «веселость», «восторг». «Веселость – веселое, жизнерадостное настроение (СЯП 2000, Т.1: 241), пример из контекста: *скоро веселость его сделалась общею* (Выстрел). «Восторг» – состояние исключительной радости, восхищение чем-либо, проявление, выражение восхищения, радости, удовольствия (СЯП 2000, Т.1: 364-365). «Восторг» отличается от «веселости» более высокой степенью проявления радости: *«Восторг был еще сильнее»* (Метель); *Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они(женщины): ура!* (Метель). Лексемы «сильнее», «упоителен», а также фразеологизм «в воздух чепчики бросали» еще сильнее усиливают степень проявления данной эмоции.

Попутно заметим, что по сравнению с толкованием в БТСРЯ, в СЯП у слова «восторг» также есть еще значение – чувственные наслаждения любви, что показывает, какую важную роль в данном произведении А.С. Пушкина играет *любовь*.

Радостные чувства также описываются с помощью **наречий** «весело» и «радостно»: *Солдаты весело разговаривали между собою* (Метель); *Предложение, как и все, было принято радостно* (Гробовщик). Эти два слова происходят от прилагательных «веселый» и «радостный» и сохраняют значения данных лексем: «веселый» – жизнерадостный, находящийся в радостном настроении, склонный к веселью; выражающий веселье, веселость (СЯП 2000, Т.1: 242); «радостный» – испытывающий радость, выражающий радость (СЯП 2000, Т.3: 957).

Аналогична роль **прилагательного** «сладкий» – *Как сладки были слезы свидания* (Метель). «Сладкий» – доставляющий удовольствие и радость (БТСРЯ 1998: 467). Здесь А.С. Пушкин использовал оксюморон. **Оксюморон** (греч. τὸ οἰζύμωρον , остроумная глупость) — стилистическая фигура, состоящая в намеренном сочетании противоречивых понятий (Словарь литературных терминов: <http://enc-dic.com/lit/Oksimoron-286/>). Например, «*красноречивое молчание*». В нашем контексте оксюморон показывает внутренний мир лирической героини, глубоко и широко раскрывая всю противоречивость её чувств.

Таким образом, можно сделать вывод, что в «Повестях Белкина» употребляется больше лексических средств описания *радости* (20) , чем средств ее выражения (3). В качестве лексических средств выражения *радости* использованы междометия. Среди лексических средств описания *радости* наибольшая часть принадлежит глаголам. Кроме того А.С. Пушкин использовал фразеологизмы, наречия, имена существительные и прилагательные. Для усиления проявления *радости* иногда используются дополнительные лексические средства.

II.4. Лексические средства передачи отрицательных эмоций

Отрицательные эмоции – эмоции, основанные на неприятных субъективных переживаниях. Они «приводят к реализации адаптивного поведения, направленного на устранение источника физической или

психологической опасности» (Психологический навигатор: <http://www.psynavigator.ru/> 16.10.2015). Рассмотрим в качестве примера подгруппы *горе* и *грусть*.

II.4.1. Лексические средства передачи *горя*

Горе – 1. Глубокая печаль, скорбь, глубокое душевное страдание. 2. Горестное событие, беда, несчастье (БТСРЯ 1998: 136). В подгруппу *Горя* входит 11 единиц. Мы заметили, что в толковании данной эмоции используются слова, близкие по смыслу, в семантике которых много схожих компонентов смысла; например: скорбь – глубокая печаль, горесть (обычно в связи с чьей-л. с смертью) (БТСРЯ 1998: 749); страдание – физическая или нравственная боль, мука (БТСРЯ 1998: 801); беда – очень большая неприятность, несчастье, горе (БТСРЯ 1998: 136). По этой причине анализ собранных нами материалов оказался затруднительным; мы столкнулись с сложностью: в текстах «Повестей» используются только лексические средства описания данных эмоций, какие из них и на каком основании следует относить к проявлению именно *горя*? Мы обратились к данным других словарей и Интернет-источникам.

Более широкий анализ словарных дефиниций позволил установить, что различается горе как событие и горе как эмоция: *Гóре*(событие) — беда, бедствие, несчастье. *Гóре* (эмоция) — отрицательно окрашенный эмоциональный процесс, связанный с ощущением объективной или субъективной потери. Сильная глубокая печаль, скорбь (Википедия:

<https://ru.wikipedia.org>).

Gore как событие конкретизируется с точки зрения особенностей ситуации, в которой у субъекта возникает подобная эмоция: «*gore* – это глубокое страдание, которое испытывают, когда теряют того, кого сильно любили, лишаются чего-либо очень дорогого, необходимого. (Пережить, испытать, видеть горе; Причинить, принести кому-либо горе; (Сочувствовать чьему-либо горю.). 2. Горем также называется событие, в результате которого кому-либо причиняется значительный вред или кто-либо погибает (Толковый словарь Дмитриева: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/> 16.10.2015).

Обобщая сказанное, мы считаем, что *gore* – подавленное эмоциональное состояние, причиной которого являются определенные события (беда, несчастье, утрата, гибель близкого/дорогого человека и некот. др.), в результате которых кому-либо причиняется значительный вред, наносится эмоциональный ущерб. Данная отрицательная эмоция имеет различное внешнее проявление и различную интенсивность.

Исходя из сказанного, при анализе данных нашей картотеки мы ориентировались в первую очередь на описательные особенности той ситуации, в которой герой испытывает отрицательные эмоции. Важными смысловыми ориентирами служат также лексические средства (глаголы, имена существительные), которые в конкретной ситуации подчеркивают выражение и степень проявления данной эмоции.

Рассмотрим конкретные ситуации описания *горя*.

Для описания внешних проявлений горя используются глаголы ЛСГ

эмоционального состояния «плакать», «ныть», «мучить», «раздирать». «Плакать» – лить слезы от боли, какого-н. душевного переживания (СЯП 2000, Т.2: 375). 1. *(Марья) чуть не заплакала (когда она втайне прощалась с отцом и матерью)* (Метель) 2. *Дуня плакала во всю дорогу (когда она навсегда тайно уехала с Минским и оставила старого отца одного дома)* (Станционный смотритель). 3. *Как ей (Дуне) сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала* (Станционный смотритель). Страдание героев было вызвано в данных случаях расставанием с близким человеком (субъективная потеря) и его смертью, что является семантическими составляющими *горя*. Кроме того, в словаре эмотивной лексики Н.Ю. Шведовой глагол «плакать» относится к эмотивной лексике, служащей для передачи *горя* (LEXRUS РУССКИЙ ЯЗЫК:<http://lexrus.ru/inout/EMO/gore.pdf>). На этих основаниях мы рассматриваем данные контексты как описание эмоции *горе*. Нами замечено, что проявление данной эмоции свойственно преимущественно героиням «Повестей» (3 контекста).

Мы систематизируем глаголы «ныть», «мучить» и «раздирать» по степени нарастания *горя*. В повести «Станционный смотритель» представлен процесс возникновения и развития подавленного эмоционального состояния Самсона Вырина. Начальная стадия ощущения *горя*: *Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне*

(Станционный смотритель). Потеряв дочь, смотритель сначала испытал раскаяние и беспокойство, затем не только душевную, но и физическую боль: *Сердце начало **ныть, ныть*** (Станционный смотритель). «Ныть» – болеть (об ощущении тупой, тянущей боли) (БТСРЯ 1998: 420). Далее произошло усугубление подавленного эмоционального состояния и плохого физического самочувствия героя – эмоции станционного смотрителя превратились в горе, что и стало (скорее всего) причиной его смерти.

«Мучить» – причинять физические или душевные мучения, страдания; о тягостном состоянии (СЯП 2000, Т.2: 678). *Совесть начинала ее (Лизу) **мучить*** (Барышня-крестьянка), когда возражала Лиза самой себе, что беседа их не могла иметь никакого последствия.

С нашей точки зрения, в данном контексте «мучить» одновременно выражает горе, грусть и беспокойство: Лиза обманула Алексея, сказав, что она дочь кузнеца, и теперь испытывает душевные мучения, которые вызваны угрызениями совести; кроме того, ее пугает возможная бесперспективность отношений с Алексеем. Эмоции героини являются сложными. В данном случае горе проявляется с наименьшей интенсивностью.

«Раздирать» – терзать, мучить, причинять душевную боль, страдание (СЯП 2000, Т.3: 982). *Их (отца и матери) нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? Не больна ли ты, Маша? **раздирали** ее сердце.* (Метель) Мы заметили, что *сердце* играет важную роль в передаче эмоций, т.к. оно выступает как центр средоточия чувств, настроений и переживаний героев (СЯП 2000, Т.4: 112).

В словаре эмотивной лексики русского языка Н.Ю. Шведовой глаголы «ныть», «мучить» и «раздирать» относятся к средствам передачи эмоционального воздействия (LEXRUS РУССКИЙ ЯЗЫК: <http://lexrus.ru/inout/ЕМО> 19.10.2015). На наш взгляд, физическую боль, которая возникла от горя, тоже можно рассматривать как одну из составляющих внутреннего состояния героев, описания эмоции *горя*.

Кроме того, в текстах «Повестей» нами найдены случаи, когда *горе* описывается лексическими средствами, которые сами не являются эмотивными, но описывают **действия и жесты**, которые человек совершает в тех случаях, когда он испытывает сильное эмоциональное потрясение, горе. Например, эмотивную нагрузку несут, на наш взгляд, следующие действия героев: (Владимир) *схватил себя за волосы* и *остался недвижим*, как человек, приговоренный к смерти (когда он узнал, что он находится в месте, которое далеко от церкви)(Метель). Для усиления воздействующей функции А.С. Пушкин использует сравнение: *как человек, приговоренный к смерти*.

С привлечением поддерживающей функции контекста можно отнести к выражению горя тот факт, что Владимир постепенно уходил в себя по мере того, как близился рассвет, а поиски церкви не давали результата: *Владимир не говорил уже ни слова* (Метель).

Горе героев также непосредственно выражают имена **существительные** «слеза», «горесть». «Слезы» – прозрачная жидкость, выделяемая слезными железами от обиды, горя, боли т.п. (СЯП 2000, Т.1: 190). Появление слез на лице человека может быть вызвано различными причинами (ср.: плакать от

счастья, слезы радости, слезы умиления – плакать от горя).

В данном случае слезы являются неотъемлемым атрибутом *плача от горя*, что следует из содержания ситуации: Марья *залилась слезами* (когда она, тайком покидая родительский дом, втайне прощалась с отцом и матерью) (Метель). *Слезы навернулись на глазах*, когда старик-смотритель попросил Минского вернуть ему дочь (Станционный смотритель).

Мы заметили, что в текстах «Повестей» есть разница между мужскими и женскими слезами. Чтобы описать горе Марьи, А.С. Пушкин использует словообразовательную модель *за-глагол-ся*, которая указывает на интенсивность действия (Барыкина, Добровольская, 2009: 48). Горе отца, потерявшего единственную дочь, подчеркивается практически полным отсутствием слез. Согласно традиции, русские мамы воспитывают в мальчиках умение держать себя в руках. Став взрослыми, они умеют скрывать свои слезы от окружающих. Отсюда – все устойчивые выражения: «скупая мужская слеза», «мужчины не плачут» (АиФ Дочки-Матери № 8. 19/02/2001 <http://www.aif.ru/archive/1686408>).

А.С. Пушкин использует также существительное *горесть*, которое является омонимом *горя*. Рассмотрим разницу. В словаре синонимов Л. Г. Бабенко *горесть* и *горе* рассматриваются как синонимы, но *горесть* отмечается как разговорный вариант (БТСР 2000: 244). «Горесть» – Чувство горя, скорби (СЯП 2000, Т.1: 521). По сравнению со словом *горе*, *горесть* появляется обычно при смерти близкого человека: *Горесть бедной Прасковьи Петровны (умер муж)* (Метель).

Сложность горестного состояния пушкинских героев также в том, в большинстве случаев оно выражается одновременно с другими эмоциями (*грусть, беспокойство*). По мере того, как развивается сюжет, относительно легкое состояние превращается в более тяжёлое чувство - горе. И горе по-своему имеет различную интенсивность.

Использование глаголов «ныть», «раздирать» связано одновременно с описанием внутреннего состояния человека и его физического самочувствия, что зачастую предполагает употребление существительного «сердце» – своеобразного символа человеческой эмоциональности.

В ряде случаев вместо глагола «плакать» А.С. Пушкин употребляет существительные «слеза». Омоним *горя* существительное «горесть». Кроме того, женские герои более эмоциональные, чем мужчины.

Иногда для описания эмоционального состояния своих героев А.С. Пушкин использует описание жестов, действий, которые совершает человек, испытывающий горе.

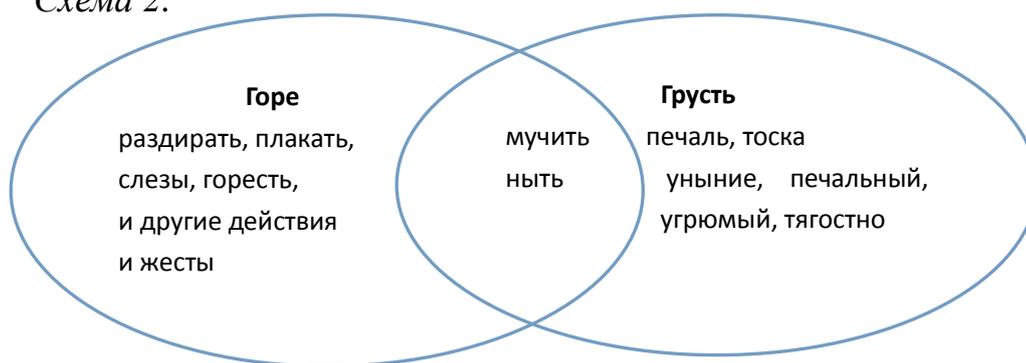
II.4.2. Лексические средства передачи *грусти*

Грусть – чувство и состояние печали, легкого уныния (БТСРЯ 1998: 144).

Как следует из данного определения, эмоция *грусть* трактуется через *печаль*, что свидетельствует об их схожести, о тонкой грани между ними. С точки зрения К. Изарда «горе является сложной структурой, включающей фундаментальные эмоции и эмоционально-когнитивные взаимодействия».

При этом считается, что в переживании горя ведущее место принадлежит грусти, страху и т.д. (Изард 1980: 264). Русское наивное сознание включает в горе элемент грусти. Соответственно, лексические средства передачи *горя* и *грусти* иногда пересекаются, что отражено в *схеме 1*. В таких случаях важную роль для трактовки эмоций играет контекст.

Схема 2.

Среди средств описания *грусти* наибольшая часть принадлежит именам существительным (3); наряду с этим употребляются прилагательные (3) и глагол (1).

Описания грусти осуществляются с помощью следующих **существительных**: «печаль», «тоска», «уныние». Согласно данным словарей, данные имена существительные являются синонимами, т.к. все они обозначают неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно (СРС 2003: 1165).

Анализ толкований, данных в Словаре языка А.С. Пушкина, также говорит о том, что разница между значениями данных имен существительных незначительная, т.к. они также толкуются одна через другую: «печаль» –

чувство грусти, скорби, нерадостное, невесёлое настроение. То, что вызывает скорбь, огорчение (СЯП 2000, Т.3: 353); «тоска» – душевное томление, тревога в соединении с грустью и скукой (СЯП 2000, Т.4: 574); «уныние» – мрачное, подавленное состояние духа, безнадежная печаль (СЯП 2000, Т.4: 736).

При этом различия в семантике составляет интенсивность проявления эмоционального состояния и его внешнее проявление. В этом ряду, с нашей точки зрения, наименее подавленное эмоциональное состояние выражает лексема «печаль», поскольку в ее толковании содержатся лексемы с корнями –радост– и –весел–: *нерадостное, невесёлоенастроение*. Это смирение со свершившимся. Например: ***Печаль** ее (Марью) посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения (Метель). Но наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею нерасставаться.* Т.е Марья вынуждена смириться с фактом смерти отца.

«Тоска» – более высокая степень проявления грусти, это внутренняя мука от невозможности получения/достижения желаемого, осложненная значительной временной протяженностью данной эмоции. В повести «Выстрел» на фоне однообразной деревенской жизни у повествователя возникает чувство тоски, поводом для которой послужили «песни баб»: ***Песни баб** наводили на меня **тоску**. В бедной деревеньке жизнь очень скучная. Всего труднее было ему привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении. Бывшая шумная и беззаботная жизнь уже исчезла (Выстрел).* Возможно, что частично причина также

кроется в самих песнях, сосредоточенных, как и весь фольклор, в основном на отражении психологического мира переживаний простого русского человека и отличающихся большой эмоциональной выразительностью. Особенно выделялись русские протяжные песни. (Педагогия и фольклор: <http://www.kolonoros.com/> 23.10.2015); (Русское народное творчество: <http://www.bibliotekar.ru/> 23.10.2015). Описание окружающей среды и создаваемой песнями особой лирической атмосферы помогает нам чувствовать длительное, глубокое грустное состояние героя.

«Уныние» представляет крайнюю степень проявления грусти человека, поскольку возникшая ситуация воспринимается человеком как не имеющая выхода, решения, как безнадежная. Данная эмоция получает четкое проявление в поведении и выражении лица человека, а потому заметна окружающим. Например, Лиза, будучи уверена, что ее свидание с Алексеем последнее, не смогла скрыть свои душевные переживания: *Алексей тотчас заметил на ее (Лизы) лице следы уныния* (Барышня-крестьянка).

Грустные чувства также описываются глаголом «вздыхнуть»: *Я (повествователь) не переставал тихонько **вздыхать** о прежней моей шумной и беззаботной жизни* (Выстрел). В данном случае важным для выражения эмоции оказываются не только внутренние переживания, но и их внешние проявления, а именно: испустить вздох, вздохом выразить печаль, сожаление (о чем) (СЯП 2000, Т.1: 261).

В трех контекстах А.С. Пушкин использует **прилагательные-синонимы** «печальный» и «угрюмый» (СРС). Выявим разницу между ними.

Прилагательное «печальный» – не в полной мере передает семантику однокоренного существительного *печаль*: «печальный» – содержащий в себе что-нибудь грустное, горестное (СЯП 2000, Т.3: 355), т.к. не содержит в себе такие компоненты смысла, как скорбь. Соответственно, степень выражения грусти с помощью данного прилагательного, менее высокая:

1. *Я* (повествователь) *приближался к станции *** с печальным предчувствием*. Рассказчика при этом не посещают тяжелые мысли о судьбе своих давних знакомых: ... *подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем* (Станционный смотритель); 2. *Адриан был погружен в печальные размышления*. Эти размышления были вызваны вполне меркантильной причиной –нежеланием тратить деньги: *Был дождь, многие мантии от дождя сузились, многие шляпы покоробились. Он предвидел неминуемые расходы* (Гробовщик).

Если «печальный» употребляется скорее для того, чтобы описать внутренне состояние человека, то «угрюмый» – для того, чтобы описать внешнее проявление данного состояния. По сравнению с «печальный», прилагательное «угрюмый» означает «испытывающий тягостное настроение, мрачный» (СЯП 2000, Т.4: 669). Данное состояние вызывает нежелание контактировать с внешним миром и погружение в себя, раздражительность: *Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив (постоянно тревожился за свои доходы и расходы, журил своих дочерей, когда заставал их без дела глазующих в окно на прохожих)* (Гробовщик). В данном случае внешнее поведение подчеркивает эмоциональное состояние

героя.

Чувства также описываются с помощью **предикатного наречия** «тягостно». «Тягостно» – о чувстве огорчения, испытываемом кем-нибудь (СЯП 2000, Т.4: 632). Предикативное наречие «тягостно» выполняют функцию сказуемого в безличном предложении, где употребляется с неактивным субъектом, выраженным дательным падежом: *Мне (Сильвио) было **тягостно** оставить в вашем уме несправедливое впечатление* (Выстрел).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в «Повестях Белкина» А. С. Пушкин использовал синонимичные средства описания грусти: существительные «печаль», «тоска», «уныние», прилагательные «печальный», «угрюмый», глагол «вздохнуть» и предикатное наречие «тягостно». Более глубокий анализ словарных толкований позволил нам установить, что данные синонимы различаются интенсивностью, длительностью и глубиной чувства, которое испытывает человек. Так, в частности, «тоска» – интенсивное, длительное и глубокое переживание, которое может мыслиться и как общее состояние человека; «уныние» – это не столько чувство, сколько общее состояние субъекта; «печаль» – относительно недлительное и неглубокое переживание (СРС 2003: 1165). Кроме того, особый фон могут создавать страноведческие реалии (песни баб) и описание внешнего поведения героев, являющегося результатом проявления его внутреннего состояния.

II.5. Лексические средства передачи *любви* на фоне их китайских аналогов

Как замечает Ю.А. Кузнецов, «эмотивная лексика характеризуется наличием универсальных и национально-специфических черт» (Кузнецов 2005: 11). В каждом языке, в его лексике отражаются особенности мировидения представителей данного языкового сообщества. Особенно ощутима эта разница при сравнении таких далеких друг от друга языковых культур, как русская и китайская. Как замечает Е. И. Зиновьева, «сопоставительные исследования являются тем направлением в лингвистике, роль и значение которого заметно возрастает в наши дни ... Особенно интересным представляется анализ языковых средств неродственных, типологически различных языков» (ЧжанХун 2008 : 3). По этой причине нам показалось интересным проанализировать, с помощью каких лексических средств передаются эмоции пушкинских героев в переводе «Повестей Белкина» на китайский язык.

На данный момент существует 3 различных перевода «Повестей Белкина» на китайский язык: издание перевода Шуэ Фу, Лю Вэйна, СянШань. Мы обратились к переводу СянШана по ряду причин. В первую очередь это связано с тем, что именно в этом переводе данная повесть пользуется популярностью в Китае. Во-вторых, по словам классика китайской литературы Му Дань, «СяоШань не зря потратила время и силы; наконец-то она показала нам талант А.С Пушкина.» (Baidu.Baike: <http://baike.baidu.com/>).

На основе анализа данных нашей картотеки мы посчитали возможным

разделить варианты перевода русских лексических средств передачи эмоций на китайский язык на три подгруппы: случаи эквивалентного перевода, частично-эквивалентного и абсолютное отсутствие совпадения, т.е. неэквивалентный перевод.

Рассмотрим данные подгруппы.

Эквивалентный перевод. В данную подгруппу входят те русские и китайские средства выражения эмоции «любовь», семантика, сочетаемость и функции которых в китайском переводе полностью или практически полностью приближены к их русскому эквиваленту, т.е. которые были переведены дословно или буквально.

Внутри данной группы выделяется два типа случаев:

1. Случай, когда перевод полностью совпадает с русскими аналогами.

Сюда входят следующие контексты: *«Добрая, милая Марья Гавриловна!»* (Метель)- 善良可爱的玛利亚; (отец Лизы) *поцеловал ее в лоб* (Барышня-крестьянка) – 吻了一下她的额头. Однако заметим, что в китайской лингвокультуре, в отличие от русской, целовать человека можно только в знак любви и близких отношений, но не при прощании с покойником. Соответственно, поддерживающая роль контекста в данном случае значительно уменьшается.

Дословный перевод имеют также: (Барышни) *бросали пламенные взгляды* (Барышня-крестьянка) – 投出炽热的目光. В китайском языке лексема 炽热 состоит из двух иероглифов, первый из которых – означает «очень жаркий», второй – «горячий» (НКС 2004: 610). По сравнению с китайским

переводом, лексема «пламенные», которая используется в русском тексте, делает степень проявления страстности и пылкости любовных чувств выше.

Молодой человек пылал равною страстью(сильно влюблен в Марию)(Метель) -青年男子也燃烧起同样的爱火. 燃烧起同样的爱火 значит – «пылал равным огнем любви». Здесь китайский переводчик употребляет метафору. Как в русском, так и в китайском языке огонь обозначает любовь (НКС 2004: 298).

2. При переводе *Я вас люблю* (Выстрел) происходит изменение порядка слов, что связано с особенностями китайского синтаксиса. В китайском языке сохранение порядка слов русского аналога является коммуникативной ошибкой. При этом изменение порядка слов не меняет ни семантику, ни функцию глагола, поэтому данный контекст включен нами в группу эквивалентного перевода. В такой случай еще включаются следующие- 1. *Я вас люблю* (Выстрел)-我爱您 (Я люблю вас). 2. «Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...» (Метель) –“我爱您, ”布尔明说, “我热烈地爱您”(Я люблю вас, –Бурмин сказал, – я страстно люблю вас)

Частично эквивалентный перевод

В данную подгруппу входят те выражения, значения и функции которых в китайском переводе совпадают с их русскими эквивалентами лишь частично(4).

Влюблен без памяти (Барышня-крестьянка) -亚历克赛就已经爱得神魂颠倒了. В китайском переводе – 神魂颠倒(влюблен без ума; буквально: дух уже переворачивается) (НКС 2004 455). Переводчик также использовал

фразеологизм. Но если в русском варианте автор обращается к памяти человека, то китайский переводчик – к его уму и духу.

Черные глаза с таким огнем (Метель) - 一双黑黑的眼珠火辣辣地盯住玛利亚·加夫里洛夫娜的脸, что буквально означает: «Пара черных-черных глаз страстно смотрела на нее». Глаза как субъект предикат получают *смотреть*, т.е. русская неполная конструкция имени существительного с несогласованным определением распространяется в двусоставное предложение. Это продиктовано нормами китайского литературного языка. Попутно заметим, что в традиционном китайском эстетическом представлении 黑黑的眼珠 - «черные-черные глаза» являются одной из типичных черт красавицы; данное выражение также часто употребляется для описания красивого человека. В центральной части России, напротив, выражения «дурные глаза» и «черные» глаза синонимичны. Считается, что способность к сглазу, наведению порчи чаще свойственна черноглазым. Их обладателям также приписываются непостоянство чувств, взрывной темперамент, даже жестокость (Поваляева, Рутер 2004:43).

Кроме того, что в данном случае китайский перевод отличается от русского варианта стилистикой, в предложение были добавлены счетные суффиксы. Их наличие необходимо при указании на то или иное количество предметов. Роль, выполняемую счетными суффиксами, можно сравнить с употреблением в русском языке таких слов, как «штука», «экземпляр», «коробка» и под. Счетные суффиксы часто не имеют самостоятельного употребления и не обозначают конкретного понятия вне сочетания с числом,

но с их помощью облегчается процесс чтения. С другой стороны, они способствуют достижению литературной эстетики. Выбор того или иного счетного суффикса зависит от семантики имени существительного. Каждая категория предметов, однородных по форме, величине и характеру, имеет свой счетный суффикс (ЖэЦхе 2000:16-20). В данном примере добавлен счетный суффикс 双 после числительного 一 (одна), это способствует достижению литературной эстетики, поскольку читатели будут обращать больше внимания на глаза героя.

Говорил языком истинной страсти (Барышня-крестьянка) -说这话, 着实动了真情 В китайском переводе – «Говорил об этом, действительно из самой глубины души». В пушкинском тексте выражена сильная любовь с преобладанием чувственного влечения, пылкая, безумная, неконтролируемая. В китайском переводе, в отличие от русского, подчеркнута внутренне чувство, которое исходит «из самой глубины души». Уточнение содержания высказывания происходит с помощью добавления лексем «об этом» и наречия «действительно».

(Барышня-крестьянка) *Барышни заглядывались на него*. Глагол заглядываться не переводится на китайский. Вместо него используется другой глагол – «взглядывать». 小姐们频频睨他- «Барышни часто тайком заглядывали на него». В китайском переводе 频频 обозначает «наречие постоянно, часто», а иероглиф 睨 обозначает «тайком смотреть» (НКС 2004 432). В результате, в китайском тексте теряется интенсивность и чрезмерность глагольного действия, присущая русскому «заглядываться», и в

значительной мере меняется экспрессивная окраска ситуации.

Подобный перевод обусловлен традициями поведения китайской девушки, более строгими, чем в России. В китайских традициях, девушки должны быть скромными кроткими, особенно запрещается открыто выражать любовь к мужчине.

В трактате «Книга обрядов» Конфуций пишет, что прежде всего, девушка должна быть серьезной и трудиться, не щадя своих сил. Родители должны научить ее трем правилам подчинения и четырем добродетелям: дома повиноваться отцу; когда выйдет замуж, повиноваться мужу; когда останется вдовой, повиноваться сыну. Четыре добродетели: супружеская верность, правда в речах, скромность в поведении, усердие в работе (Конфуций, 1989). В 10 лет китайской девочке отец запрещал выходить из дому и играть с мальчиками Отец должен был показывать дочь родственникам, если те приходили в гости. Дочь же должна была выражать почтительность, ей не разрешалось громко смеяться (Цао Сюэцинъ 1998).

Неэквивалентный перевод

Данную группу образует 1 контекст, в котором в результате перевода практически полностью теряется соответствие его русскому аналогу. Рассмотрим данный контекст.

Барышни сходили по нему с ума (Барышня-крестьянка). Если в русском тексте идиома «сходить по кому-либо с ума» имеет некоторый уклон в психологию, то в китайском переводе делается акцент на чрезмерность проявления эмоции. Фразеологизм «уноситься в облака» – значит думать

много нереального (БФСКЯ 2013 1332), с его помощью переводчик выражает свою иронию и отрицательную оценку поведения барышень. Кроме того, русское повествовательное предложение имеет в переводе вопросительную форму: 众家小姐怎能不将他想入非非呢—«Как барышни могли не уноситься в облака?»

В своем переводе СяоШань заменяет русский фразеологизм другими, сходными по значению, но имеющим иные коннотации, чтобы сохранить стилистическое соответствие всего текста в целом, а также, чтобы максимально приблизить содержание перевода к особенностям китайского мышления.

Таким образом, детальное рассмотрение эмоции *любви* на фоне перевода на китайский язык позволяет говорить, что по сравнению с русским текстом, в китайском переводе степень проявления и выражения любовных эмоций, их страстности и пылкости заметно ниже, что обусловлено особенностями китайской лингвокультуры. Это доказывает, что разные менталитеты сильно влияют на особенности передачи эмоции, что ярко проявляется в лексических средствах их описания и выражения. Разница теснейшим образом связана с бытом, культурой, традициями носителей языка.

Выводы

Итак, герои «Повестей Белкина» испытывают как положительные, так и

отрицательные эмоции. Из существующих в Словаре эмотивной лексики русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой 37 основных классов в «Повестях Белкина» представлено 18 классов. Из них 6 служат для передачи положительных эмоций: лексические средства выражения *любви, радости, удовольствия, спокойствия, любопытства, жалости, одобрения*; и 12 – для передачи отрицательных: *стыда, удивления, беспокойства, горя, грусти, злости, равнодушия, страха, обиды, жестокости, неприязни*. В первую группу (положительные эмоции) вошла 51 единица, во вторую (отрицательные эмоции) – 79 единиц, что свидетельствует о значительном преобладании отрицательных эмоций. В их числе 13 контекстов, в которых представлены комплексные эмоции. Данные о том, каково количество лексических средств передачи положительных и отрицательных эмоций в тексте каждой из повестей, мы систематизировали в виде таблицы (см. Приложение 1).

Мы разделяем средства выражения и средства описания эмоций. Соответственно, каждая группа эмоций делится на две подгруппы: лексические средства выражения и лексические средства описания эмоций. В «Повестях Белкина» преобладают лексические средства описания эмоций (146). Количество лексических средств выражения – 17. Статистические данные для каждой из повестей мы систематизировали в виде таблицы (см. Приложение 2).

Выделенные единицы вступают в синонимичные («весело»- «радостно»; «печаль» - «тоска» - «уныние»; «горе» - «горесть»; «угрюмый» - «печальный»;

«мучить» - «раздирать» (СРС 2003)) и антонимичные отношения («любить»-«ненавидеть»; «горесть» - «веселость»; «смеяться» - «плакать» (САРЯ 1984)). Выделяются однокоренные лексемы («смеяться» - «рассмешить»; «радоство» - «обрадоваться»; «веселый» - «веселость» - «весело» - «развеселиться»; «печаль» - «печальный» (МОС 2002)).

Для подробного анализа нами были взяты 2 подгруппы положительных эмоций (*любовь, радость*), 2 подгруппы отрицательных эмоций (*горе, грусть*) (всего 53 единицы). На основе их анализа мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, любовные и радостные переживания героев повестей передаются с помощью как лексических средств их выражения, так и описания. При этом лексических средств выражения данных эмоций намного меньше (7), чем лексических средств их описания (28). А горестные и грустные эмоции героев «Повестей» передаются исключительно с помощью их описания (18).

В качестве лексических средств выражения любви и радости А.С. Пушкин использует слова разных частей речи: глагол «любить», прилагательное «милый» и междометия «ой», «боже мой», «ура». Будучи предельно минимизированными, практически все данные средства требуют значительной поддержки контекста, без которого не могут быть поняты однозначно. Так, «милый» может использоваться для выражения как приязни и симпатии к другому человеку, так и пренебрежительного отношения к нему.

Спектр описательных средств намного шире: это глаголы («целовать», «заглядываться», «улыбаться», «смеяться», «хохотать», «рассмешить», «обрадоваться», «развеселиться», «плакать», «мучить», «ныть», «вздохнуть» и др.), фразеологизмы («с ума сходить», «влюблен без памяти», «быть в духе» и др.), существительные («страсть», «веселость», «восторг», «слеза», «горесть», «печаль», «тоска», «уныние» и др.), прилагательные («пламенный», «сладкий», «печальный», «угрюмый» и др.) и наречия («растно», «весело» и др.); в одном контексте используется оксюморон (*как сладки были слезы свидания!* (Метель)). Наибольшую часть из перечисленных средств составляют глаголы (12). Прослеживается частотность словообразовательной модели *приставка-глагол-ся* («заглядываться», «развеселиться», «обрадоваться»), с помощью которой передаются оттенки эмоционального состояния героев (интенсивность и степень проявления эмоций).

Для достижения высокой степени передачи любовных эмоций А.С. Пушкин использовал лексемы с семантикой горения, той или иной степенью жара: «огонь», «пламенный», «пылать». Согласно толкованиям, приведенным в СЯП, в наших контекстах данные лексемы не актуализуют значения, связанные с передачей физических характеристик и свойств процесса горения, и употребляется исключительно для описания внутреннего состояния человека. Кроме того, в СЯП у слова «восторг» также есть значение «чувственные наслаждения любви», отсутствующие в БТСРЯ. Данные факты позволяют, на наш взгляд, говорить о том, насколько важную

роль в произведениях А.С. Пушкина играют любовные эмоции.

Степень выражения горя и грусти имеет различную интенсивность и обуславливает свое различное внешнее проявление в поведении и облике героя. Для описания грусти А. С. Пушкин использовал существительные-синонимы («печаль», «тоска», «уныние»), которые в разной степени выражают отрицательное эмоциональное состояние героев.

В «Повестях» горе героев получило только свое описание. Семантика горя граничит с такими похожими проявлениями подавленного эмоционального состояния, как грусть и беспокойство, что затрудняет его идентификацию. При отнесении того или иного контекста к описанию горя мы опирались на данные словарей и, в частности, на такие семантические составляющие данной эмоции, как душевное страдание, беда, скорбь. Важную роль для определения эмоции играет анализ ситуации, в которой оказываются герои, и контекст.

В конкретных ситуациях описание горя усиливается различными лексическими средствами: глаголами («плакать», «мучить», «раздирать», «ныть»), существительными («слеза», «горесть»).

Как и в случае выражения положительных эмоций, лексические средства передачи отрицательных эмоций имеют зависимость от контекста.

В ряде случаев горестное состояние героя описывается с помощью его действий и жестов, которые ассоциируются в сильным эмоциональным потрясением («схватил себя за волосы», «остался недвижим»).

Эмоциональное проявление *горя* свойственно преимущественно

героиням «Повестей». По сравнению с женщинами, русские мужчины эмоционально более сдержанны.

Для того, чтобы более полно выявить лингвокультурологический потенциал средств передачи эмоций в «Повестях Белкина», мы обратились к их китайскому переводу. В результате анализа и сравнения средств передачи эмоции *любви* в пушкинском тексте и их аналогов в китайском переводе, нами установлены случаи эквивалентного перевода (6), частично эквивалентного перевода (4) и случаи, в которых перевод практически полностью не совпадает с русский аналогом (1). В случае частично эквивалентного и неэквивалентного перевода переводчица СяоШаньне не только опирается на данные китайских толковых словарей, но и использует дополнительные средства китайского языка (лексические и грамматические).

Степень проявления и выражения любовных эмоций, их страстности и пылкости в китайском переводе заметно ниже, что обусловлено особенностями китайской лингвокультуры, например, перевод глагола «заглядываться» глаголом «взглядывать», который в сочетании с лексемой «тайком» (*小姐们频频偷他: Барышни часто тайком взглядывали на него*) делает поведение русских барышень похожим на традиционное поведение китайской девушки, обусловленное более строгими, чем в России, правилами. В данном и подобных случаях культурно-историческая разница, влияет на особенности выбора лексических средств перевода. Неэквивалентный перевод фразеологизмов обусловлен объективной сложностью его языковой природы. При этом выбор китайского аналога

также мотивирован желанием переводчика максимально сохранить оригинальный смысл пушкинского текста, одновременно приближая его понимание к особенностям мировидения китайских читателей (ср.: «сходить по кому с ума»-«уноситься в облака»众家小姐怎能不将他想入非非呢).

Заключение

В первой главе нашей работы приведен обзор научной литературы по теме исследования, сформирована теоретическая база исследования, в частности, выделены основные направления описания средств передачи эмоции в русском языке, а также определен терминологический аппарат.

В работе были рассмотрены основные вопросы изучения лексики как системы, в частности, лексико-семантическое поле, в структуре которого в свою очередь существуют такие проявления лексической системности, как синонимия, антонимия и деривационные отношения. Проведено разграничение соотносимых и взаимосвязанных понятий *эмоции*, *эмоциональность* и *эмотивность*. *Эмоции* понимаются в работе как психические явления, отражающие переживания конкретного человека и связанные с удовлетворением или неудовлетворением его интересов. Под *эмоциональностью* понимается свойство, качество личности, сводимое к внешней передаче человеком своего эмоционального состояния и отношения к окружающему миру. *Эмотивность* – языковая категория, представляющая собой имманентно (присущее, собственное) семантическое свойство языка

выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражать социальные и индивидуальные эмоции в семантике языковых единиц.

Ключом к изучению человеческих эмоций является язык, «поскольку он номинирует их, выражает, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует их» [Шаховский, цит. по Медведевой, 2012]. Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается прежде всего в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включает соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов и т.д.

В настоящее время рассматриваются различные аспекты языкового отражения эмоций, но еще недостаточно разработаны основные проблемы эмотиологии, ключевым понятием которой является эмотивность. Лексика, обозначающая эмоции, в данном случае может не являться однозначно эмотивной, она может быть индикативной, т.е. обозначать различные эмоциональные состояния

Важное значение отводится эмотивной лексике в художественном тексте, где конструктивную роль в художественных текстах признаны выполнять эмоционально-риторические структуры, эмотивно-побудительная составляющая входит в число информативных составляющих художественного текста.

В число художественных произведений, сыгравших в развитии русской

литературы XIX в. значительную роль, входят «Повести Белкина» А.С. Пушкина – его первое завершённое прозаическое произведение, являющееся, по существу, началом русской художественной реалистической прозы. Герои данного – люди различного эмоционального склада, что обуславливает особенности выражаемых ими эмоций.

Во второй главе проведен анализ лексических единиц передачи эмоций в «Повестях Белкина», на основании которого можно констатировать следующее:

Герои «Повестей» выражают как положительные (любовь, радость, спокойствие, любопытство, жалость, одобрение), так и отрицательные (горе, грусть, злость, равнодушие, страх, обида, жестокость, беспокойство, стыд, неприязнь) эмоции. На этом фоне выделяется «плавающая» эмоция *удивление*, т.к. в ее основе могут лежать как положительные, так и отрицательные факторы. Несмотря на то, что люди стремятся к положительным эмоциям и пытаются избегать отрицательных, количество отрицательных превышает количество положительных (соответственно, 10 и 6 подгрупп, 71 и 59 единиц).

Применение элементов полевого метода позволило структурировать данные единицы в виде иерархической организации, имеющей внутреннее деление (см. Приложение 1). В ее составе выделяются синонимические («весело» - «радостно»; «печаль» - «тоска» - «уныние»; «угрюмый» - «печальный»; «горесть» - «горе»; «мучить» - «раздирать» (СРС 2003)) и антонимические пары («любить» - «ненавидеть»; «горесть» - «веселость»;

«смеяться» - «плакать» (САРЯ 1984)), а также словообразовательные ряды («смеяться» - «рассмешить»; «радосто» - «обрадоваться»; «веселый» - «веселость» - «весело»- «развеселиться»; «печаль» - «печальный» (МОС 2002).

В нескольких подгруппах выделяются лексические средства выражения и описания эмоций. Под выражением эмоций мы понимаем их обозначение средствами языка, речевую манифестацию, которая сопровождается внутренними и внешними переживаниями человека. Выражение эмоций – это их непосредственное языковое проявление.

В отобранных для более глубокого анализа подгруппах положительных (любовь и радость) и отрицательных (горе и грусть) мы обнаружили следующие закономерности:

А.С. Пушкин использует различные грамматические средства (глаголы, существительные, прилагательные, наречие), при этом наибольшую долю занимают глаголы. В числе средств описания встречаются фразеологизмы («влюблен без памяти», «бросать пламенные взгляды на кого-либо», «сходить по кому с ума», «быть в духе», «бросать в воздух чепчики»);

Количество средств выражения и описания эмоций неодинаково – преобладают средства описания;

Степень проявления отрицательных эмоций зависит от гендерной принадлежности испытывающего их лица – герои «Повестей» проявляют отрицательные эмоции более сдержанно, чем героини;

Используемые в «Повестях Белкина» лексические средства передачи

эмоций достаточно лаконичны и проявляют значительную контекстуальную зависимость. В ряде случаев отрыв от поддерживающего контекста может повлечь неоднозначное понимание эмоционального состояния героев.

При сравнительном анализе эмоции *любовь* в оригинальном тексте и тексте перевода на китайский язык, обнаружены случаи эквивалентного, частично эквивалентного и неэквивалентного перевода. Несовпадения обусловлены как особенностями китайской грамматики и синтаксиса, так и особенностями китайской лингвокультуры.

Список использованной литературы:

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Из-во Урал. Ун-та.1989.-184 с.
2. Барыкина, А. Н., Добровольская, В. В. Изучаем глагольные приставки. –СПб.: Затоуст, 2009.- 252 с
3. Блумфилд Л. Язык. М.: Едиториал УРСС, 2002.-408 с.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста.М.:Флита :Наука, 2007.-520
5. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004.-208 с.
6. Вандриес Ж. Язык. М.: Соцэкгиз, 1937. -235с.
7. Вартамян Г.А., Петров Е. С. Эмоции и поведение. –Л.: Наука,1989.-144 с.
8. Васильев Л.М. Теория семантических полей// Вопросы языкознания, №5. 1971. С. 105-113 с.
9. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова //Вопросы языкознания. 1953. № 5.
- 10.Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.-240 с.
- 11.Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв..-М.: Высш. Школа, 1982.-528 с.
- 12.Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. Изд-во «Наука»,1980.-520 с.
- 13.Витт Н. В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении. М., 1983. – 248 с.
- 14.Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.-280 с.

15. Гак В.Г. Этимолого-семантические поля в лексике // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С.107-117
16. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. М.: 1979. №2. С. 83-86.
17. Гоголь Н.В. Сборник "Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя" . СПб. Часть 1. 1835.-287 с.
18. Горшков А.И. Все богатство, сила и гибкость нашего языка. А. С. Пушкин в истории русского языка: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. - М.: Просвещение, 1993.-176 с.
19. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. М., 2006. -480с.
20. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории текста // Вопросы языковедения. 2002. № 3. С. 64.
21. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного /Отв. Ред. К.А. Рогова. СПб. ,2005. -88 с.
22. Изард К. Психология эмоций/ Перев. с англ. — СПб: Питер, 1999. - 464 с.
23. Изард К. Эмоции человека. М., 1980, 251-289 с.
24. Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности// Филологические науки. -2006.-№5. С. 71-81.
25. Караулов Ю.Н. Структура лексико -семантического поля/ Ю.Н. Караулов// Филологические науки. 1972. №1. С.57-68

26. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография . М., 1976.-360 с.
27. Квасюк И. И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики:
Дис. ... канд. Филол. Наук. М., 1976.
28. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. -154 с.
29. Конфуций. Ли цзи (Трактат «Книга обрядов»). - Пекин, 1989. - 98 с.(孔子。礼记).
30. Кропотова Л.В. История развития лексической коннотации// Язык и культура. -2010. №1(9).-С.33-47.
31. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира // Автореферат. – СПб, 2005.- 23 с.
32. Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное: Анализ процесса познания. М., 1976. - 216 с.
33. Кулибина Н.В. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного.- СПб: Златоуст, 2001. -264с.
34. Лежнев А. З. Проза Пушкина: Опыт стилового исследования / А. З. Лежнев. - Изд. 2-е. М.: Художественная литература, 1966. - 263 с.
35. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М. 1971. - 40 с.
36. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики: М., 1972. – 345 с.
37. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа-М.: Издательство «Ось-89», 1999.-192 с.
38. Медведева М.С. Истоки и перспективы развития лингвистики эмоций (эмотиологии) в современном научном мире (Электронный

ресурс).–Ростов-на-Дону,—URL:<http://ru/convdocs.org/docs/index-40615.html>

(Дата обращения: 03.03.2015)

- 39.Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М. 1988.-304 с.
- 40.Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ.- изд.2-е испр. –М.: АCADEMIA, 2005.-144 с.
- 41.Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980. - 264 с.
- 42.Орлова А.С. Пушкин-создатель русского литературного языка. В Изв. АН СССР. Отд. ОН (1937, №2-3).
- 43.Поваляева М.А., Рутер О.А. Невербальные средства общения. Ростов –на-Дону, 2004. -352 с.
- 44.Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.-352 с.
- 45.Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987.- С. 9- 135.
- 46.Симонов П.В. Что такое эмоция? — М.: Наука, 1966. - 94 с.
- 47.Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.:Филологический факультет СПбГУ, 2004.-165 с.
- 48.Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмоциональность// Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 61-74.
- 49.Степанов. Ю.С. О предпосылках лингвистической теории значения/ Ю. С. Степанов// Вопросы языкознания. 1964.№5.С.66-74.
- 50.Степанов Ю. С. Основы общего языкования . М., 1975.- 271 с.
- 51.Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.-687 с.

52. Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Ташкент, 1989. -140 с.
53. Томашевский Б. В. И Левин Ю. Д. Русские писатели о языке (XVIII – XX вв.) / Под ред.. – М.: Сов. писатель, 1954. -854 с.
54. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. -272 с.
55. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов. –В кн.: Езиковедски исследования в честь на акд. Стефан Младенов. София, 1967. С. 523-538.
56. Филкова П. Д. История русского литературного языка (середина XVIII – конец XX века) / П. Д. Фиалкова, А.А. Градинарова. – М.: Парадигма, 1999. - 256 с.
57. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. – М.: Высш. шк., 2001. -415 с.
58. Хан-Пира 1999: Хан-Пира Эр. Привносит ли лексиколог системность в лексику // Русская речь. М., 1999. №2. С. 47-52.
59. Цао Сюэцинь. Хунлоумэн. (Сон в красном тереме). – Пекин, 1998. – 352с. (曹雪芹。红楼梦).
60. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. -115 с.
61. Черняк В.Д. Синонимические связи слов в лексической системе языка: Дисс. доктора филол. наук. – СПб., 1992. 338 с.

62. Чжан Хун Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке в сопоставлении с китайским: функционально-семантический аспект (на фоне китайского языка)- СПб. :Филологический аспект СпбГУ, 2007. -171 с.
63. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав и структура, функционирование// Автореферат. – Киев, 1996.
64. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. -190 с.
65. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971. -224 с.
66. Якобсон Р. О. Лингвистическа и поэтика // Структурализм: «за» и «против».- М.: Прогресс, 1975.- С. 293- 230.
67. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. Ред. В. Н. Ярцева.-2-е изд.1998.-687 с.
68. 普希金《别尔金小说集》译 :萧珊 (Пушкин «Повести Белкина» переводчик: СяоШань) -上海 : 新文艺出版社, 1956, -118 с.

Список словарей:

1. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецов. СпбГУ. 1998. -1536 с.

2. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10500 синонимов/ Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСЕ-ПРЕСС КНИГА.-747с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой. М.,1990.-685 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под.ред. Николюкин А. Н. М.:НИК«Интелвак».2001. – 1600 с.
5. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов / А. Н. Тихонов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. — 704 с.
6. Толковый словарь живаго великорускаго языка. В. И. Даль.2-изд. М. 1880. -812 с.
7. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Владимир Даля. М. 1882. -650 с.
8. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова., М.1986. -543 с.
9. Словарь антонимов русского языка. Львов М.Р. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1984. — 384 с.
- 10.Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976.- 399 с.
- 11.Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова Печатное издание М.: Русские словари, 1999 . Перевод в текст и вычитка (С) Александр Ильин, 2003. - 433 с.

12. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000.
13. 现代大俄汉词典 (Новый большой русско-китайский словарь) -北京 : 外语教学与研究出版社, 1998.-1314с
14. 新华字典 (Новый китайский словарь) - 北京 : 商务印书馆 2004.- 652с.
15. 成语大词典(Большой фразеологический словарь китайского языка)- 北京 : 商务印书馆 2013.- 1568с.

Список принятых сокращений:

1. БТСРЯ-Большой толковый словарь русского языка.
2. БФСКЯ-Большой фразеологический словарь китайского языка.
3. МОС-Морфемно-орфографический словарь
4. НКС –Новый китайский словарь.
5. РЯЭ- Русский язык. Энциклопедия 1998.
6. САРЯ-Словарь антонимов русского языка
7. СРС-Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений.
8. СЯП-Словарь языка Пушкина.
9. ФС-Фразеологический словарь русского языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ

Лексические средства выражения эмоций	Лексические средства описания эмоций
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	
1. ЛЮБОВЬ	
<p>1. (Выстрел) Я вас люблю</p> <p>2. (Выстрел) «Ах, милый мой», - сказала графиня.</p> <p>3. (Выстрел) Милая, – сказал я ей, разве ты не видишь, что мы шутим?</p> <p>4. (Метель) «Я вас люблю», - сказал Бурмин, - «я вас люблю страстно...»</p>	<p>1. (Метель) Молодой человек пылал равною страстию.</p> <p>2. (Барышня-крестьянка) Алексей говорил языком истинной страсти.</p> <p>3. (Барышня-крестьянка) Алексей был уже влюблен без памяти.</p> <p>4. (Барышня-крестьянка) Он (отец) поцеловал ее в лоб.</p> <p>5. (Барышня-крестьянка) (Барышни) бросали на него (Алексея) пламенные взгляды</p> <p>6. (Метель) Черные глаза с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне</p> <p>7. (Барышня-крестьянка) Барышни заглядывались на него.</p> <p>8. (Барышня-крестьянка) Барышни сходили по нем с ума.</p>
2. РАДОСТЬ	
<p>1. (Гробовщик) Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик</p> <p>2. (Метель) Встречая победителей, кричали они (женщины): ура!</p> <p>*3. (Метель) «Боже мой, боже мой!» - сказала Марья.</p>	<p>1. (Выстрел) Хозяин был чрезвычайно в духе.</p> <p>2. (Выстрел) Скоро веселость его сделалась общею</p> <p>3. (Выстрел) «Изрядно, - отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого»</p> <p>4. (Метель) Солдаты весело разговаривали между собою</p> <p>5. (Метель) Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они (женщины): ура!</p> <p>6. (Метель) И в воздух чепчики бросали.</p> <p>7. (Метель) Восторг был еще сильнее.</p> <p>8. (Гробовщик) Предложение, как и все, было принято радостно.</p> <p>9. (Гробовщик) Череп его ласково улыбался гробовщику.</p> <p>10. (Гробовщик) Адриан пил с усердием и до того развеселился.</p> <p>11. (Гробовщик) «Что же? Пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов». Все захохотали.</p> <p>12. (Барышня-крестьянка) Лиза смеялась, когда она нарядилась крестьянкой.</p> <p>13. (Барышня-крестьянка) Алексей было хотел обнять ее, но Лиза отпрыгнула от него и приняла на себя такой строгий и холодный вид. Это рассмешило Алексея.</p> <p>14. (Барышня-крестьянка) Спросил Алексей расхохотавшись.</p>

	<p>15. (Барышня-крестьянка) Лиза улыбнулась восторгу его благодарности.</p> <p>16. (Барышня-крестьянка) Она с улыбкой остановила его.</p> <p>17. (Барышня-крестьянка) Обе (Лиза с Настей) обрадовались ей</p> <p>18. (Барышня-крестьянка)Лиза хохотала от души.</p> <p>19. (Барышня-крестьянка) Муромский обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом</p> <p>20. (Метель) Как сладки были слезы свидания.</p>
3.УДОВОЛЬСТВИЕ	
---	<p>1. (Станционный смотритель) “Это твоя дочка?” – спросил я смотрителя. “Дочка-с», - отвечал он с видом довольного самолюбия.</p> <p>2. (Станционный смотритель) Оба (гусар и лекарь) выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.</p> <p>*3. (Метель) “Я вас люблю», - сказал Бурмин, - «я вас люблю страстно...”(Марья Гавриловна покраснела.)</p>
4. СПОКОЙСТВИЕ	
---	<p>1. (Метель) Владимир успокоился.</p> <p>2. (Барышня-крестьянка) Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее на смех, успокоилась.</p>
5. ЛЮБОПЫТСТВО	
---	<p>1. (Метель) Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя.</p> <p>2. (Выстрел) Любопытство мое сильно было возбуждено.</p> <p>3. (Выстрел) Граф подвинул мне кресла, и я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ.</p> <p>4. (Метель) Молчание молодого гусара более всего подстрекало ее (Марьи) любопытство и воображение.</p>
6. ЖАЛОСТЬ	
---	<p>1. (Станционный смотритель) Сердце исполнится искренним состраданием.</p>
7. ОДОБРЕНИЕ	
<p>1. (Станционный смотритель) Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была!</p>	---
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ/ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	
1. УДИВЛЕНИЕ	
1.1 Положительные эмоции	
<p>*1. (Выстрел) Это удивительно!</p> <p>*2. (Барышня-крестьянка) Это удивительно!</p>	<p>1. (Барышня-крестьянка) Алексей остолбенел</p> <p>*2. (Выстрел) Я смотрел с изумлением</p> <p>*3. (Барышня-крестьянка) Мысли поразили Алексея.</p>
1.2 Отрицательные эмоции	

<p>1. (Метель) «Ай, не он! Не он!»-она воскликнула.</p> <p>*2. (Метель) «Боже мой!» - закричала Марья Гавриловна, - «и вы не знаете, что случилось с бедной вашей женою?»»</p>	<p>1. (Метель) Марья взглянула на него с удивлением. (</p> <p>2. (Барышня-крестьянка) "На ком это, батюшка?" спросил изумленный Алексей.</p>
<p>ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ</p>	
<p>1. ГОРЕ</p>	
<p>—</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. (Метель) Их (отца и матери) нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? Не больна ли ты, Маша? раздирали ее сердце. 2. (Метель) (Марья) чуть не заплакала. 3. (Метель) Марья залилась слезами. 4. (Метель) Горесть бедной женщины. 5. (Станционный смотритель) Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть. 6. (Станционный смотритель) Дуня плакала во всю дорогу. 7. (Станционный смотритель) Слезы навернулись на глазах, когда старик-смотритель попросил Минского вернуть ему дочь. 8. (Станционный смотритель) Как ей (Дуне) сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала. 9. (Барышня-крестьянка) Совесть начинала ее (Лизу) мучить 10. (Метель) (Владимир) схватил себя за волосы и остался недвижим. 11. (Метель) Владимир не говорил уже ни слова.
<p>2. ГРУСТЬ</p>	
<p>—</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. (Выстрел) Песни баб наводили на меня тоску 2. (Выстрел) Я не переставал тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни 3. (Метель) Печаль ее (Марью) посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. 4. (Гробовщик) Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив. 5. (Гробовщик) Адриан был погружен в печальные размышления 6. (Станционный смотритель) Я (повествователь) приближался к станции *** с печальным предчувствием 7. (Барышня-крестьянка) Алексей тотчас заметил на ее (Лизы) лице следы уныния.
<p>3. ЗЛОСТЬ</p>	
<p>(Гробовщик) - "Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны?"</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. (Выстрел) Сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола. 2. (Выстрел) Полковые командиры смотрели на кого, как на необходимое зло. 3. (Выстрел) Сильвио с сверкающими глазами сказал: "Милостивый государь, извольте выдти, и благодарите бога, что это случилось у меня в доме".

	<p>4. (Выстрел) Я его (графа) возненавидел.</p> <p>5. (Выстрел) Сильвио встал, побледнев от злости.</p> <p>6. (Выстрел) Офицер в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио.</p> <p>7. (Станционный смотритель) Минский увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева.</p> <p>8. (Выстрел) В бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио.</p> <p>9. (Выстрел) Сильвио бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке.</p> <p>10. (Выстрел) (Граф) Вспыхнул и дал мне пощечину.</p> <p>11. (Станционный смотритель) Проезжающий смотрит на него (смотрителя), как на врага.</p> <p>12. (Станционный смотритель) Путешественник возвысил было голос и нагайку</p> <p>13. (Станционный смотритель) Он (смотритель) сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел.</p> <p>14. (Станционный смотритель) "Чего тебе надобно?" сказал он(Минский) ему, стиснув зубы.</p>
4. РАВНОДУШИЕ	
---	<p>1. (Метель) Не смотря на ее холодность, Марья Гавриловна всепопрежнему окружена была искателями.</p>
5. СТРАХ	
---	<p>1. (Выстрел) Люди с ужасом на него (Сильвио) глядели.</p> <p>2. (Выстрел) Ужасная прошла минута!</p> <p>3. (Метель) Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью.</p> <p>4. (Выстрел) Жена испугалась.</p> <p>5. (Выстрел) Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем, и уже давно не видав чужого богатства, я оробел и ждал графа с каким-то трепетом.</p> <p>6. (Метель) Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес.</p> <p>7. (Метель) Он (Владимир) был напуган обыкновенным приемом.</p> <p>8. (Метель) Свидетели устремили на меня испуганные глаза</p> <p>9. (Гробовщик) Прохоров боялся, чтоб ее наследники, не смотря на свое обещание, не поленились послать за ним в такую даль.</p> <p>*10. (Станционный смотритель) Старый смотритель дрожащим голосом произнес только: "Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!.</p> <p>11. (Барышня-крестьянка) Эта мысль ужаснула Лизу.</p> <p>*12. (Барышня-крестьянка) Пальчики (Лизы) дрожали.</p> <p>13. (Барышня-крестьянка) Лиза вздрогнула, закричала.</p> <p>14. (Выстрел) Как волоса стали вдруг на мне дыбом.</p> <p>15. (Выстрел) Лицо его горело как огонь</p> <p>16. (Метель) Жена обратила ко мне бледное свое лицо</p>

	<p>17. (Гробовщик) "Что за дьявольщина!" Ноги его подкосились</p> <p>18. (Гробовщик) Гробовщик потерял присутствие духа</p> <p>*19. (Станционный смотритель) Сердце старика закипело.</p> <p>20. (Барышня-крестьянка) Сказала она (Лиза) побледнев: "Что вы говорите!"</p>
6. ОБИДА	
---	<p>1. (Выстрел) Офицер почел себя жестоко обиженным</p> <p>2. (Гробовщик) Гробовщик почел себя обиженным и нахмурился</p>
7. ЖЕСТОКОСТЬ	
---	<p>1. (Метель) Я подшутил так жестоко над ней.</p>
8. НЕПРИЯЗНЬ	
---	<p>1. (Барышня-крестьянка) Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера.</p>
9. БЕСПОКОЙСТВО	
---	<p>1. (Выстрел) Сильвио был озабочен; не было уже и следов его судорожной веселости.</p> <p>*2. (Метель) Владимир начинал сильно беспокоиться.</p> <p>3. (Метель) Непонятное беспокойство овладело мною.</p> <p>4. (Станционный смотритель) Беспокойство овладело им.</p> <p>5. (Барышня-крестьянка) Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит языкмоого старого знакомого.</p> <p>6. (Метель) Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце.</p> <p>7. (Выстрел) Голова шла кругом.</p> <p>8. (Метель) Сердце ее (Марьи) сильно забилося.</p> <p>9. (Станционный смотритель) В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее.</p> <p>10. (Выстрел) Офицер, потеряв терпение, взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным.</p> <p>11. (Выстрел) Однажды подали ему (Сильвио) пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения.</p> <p>12. (Выстрел) Я горел нетерпением ее увидеть.</p> <p>*13. (Барышня-крестьянка) Сердце ее сильно билось.</p>
10. СТЫД/СМУЩЕНИЕ	
<p>1.(Выстрел) «Встань, Маша, стыдно!»</p>	<p>1. (Выстрел) Мне было совестно на него (Сильвио) глядеть.</p> <p>2. (Выстрел) Я хотел казаться развязным, но чем больше старался взять на себя вид непринужденности, тем более чувствовал себя неловким.</p> <p>3. (Выстрел) Как вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего.</p> <p>4. (Метель) Она (Лиза) наклонила голову еще ниже.</p>

В таблице признаком * отмечены случаи передачи комплексного эмоционального состояния героев.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЧАСТОТНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИЙ

Название повести	лексические средства выражения положительных эмоций	лексические средства описания положительных эмоций	лексические средства выражения отрицательных эмоций	лексические средства описания отрицательных эмоций
«Выстрел»	4	6	1	26
«Метель»	3	11	2	19
«Гробовщик»	1	4	1	6
«Станционный смотритель»	1	3	0	14
«Барышня-крестьянка»	1	17	0	10
Всего	10	41	4	75

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЛЮБВИ И ИХ КИТАЙСКИЕ АНАЛОГИ

	Лексические средства выражения любви	Лексические средства выражения любви в китайском переводе	Лексические средства описания любви	Лексические средства описания любви в китайском переводе
Эквивалентный перевод	<p>1. (Выстрел) Я вас люблю</p> <p>2. (Метель) «Я вас люблю», - сказал Бурмин, - «я вас люблю страстно...»</p> <p>3. (Выстрел) «Ах, милый мой», - сказала графиня.</p>	<p>1. 我爱您 (Я люблю вас)</p> <p>2. “我爱您，”布尔明说，“我热烈地爱您” («Я люблю Вас», - Бурмин сказал, - «я страстно люблю вас...»)</p> <p>3. 啊，我亲爱的 («Ах, мой милый», - графиня сказала.)</p>	<p>1. (Барышня-крестьянка) Он (отец) поцеловала ее в лоб.</p> <p>2. (Барышня-крестьянка) (Барышни) бросали на него (Алексея) пламенные взгляды</p> <p>3. (Метель) Молодой человек пылал равною страстью.</p>	<p>1. 吻了一下她的额头 (Он поцеловала ее в лоб).</p> <p>2. 投出炽热的目光 (бросали на него очень жаркие и горячие взгляды)</p> <p>3. 青年男子也燃烧起同样的爱火. (Молодой человек пылал равным огнем любви.)</p>
Частично эквивалентный перевод	—	—	<p>1. (Барышня-крестьянка) Алексей был уже влюблен без памяти. (Барышня-крестьянка)</p> <p>2. (Метель) Черные глаза с таким огнем</p> <p>3. Алексей говорил языком истинной страсти.</p>	<p>1. 亚历克赛就已经爱得神魂颠倒了. (Алексей был уже влюблен без ума; буквально: дух уже переворачивается.)</p> <p>2. 一双黑黑的眼珠火辣辣地盯住玛利亚·加夫里洛夫娜的脸 (Пара черных глаз страстно смотрела на нее.)</p> <p>3. 说这话，着实动了真情 (Говорило об этом,</p>

			4. (Барышня-крестьянка) Барышни заглядывались на него.	действительно из самой глубины души) 4. 小姐们频频睨他 (Барышни часто тайком заглядывали на него)
Неэквивалентный перевод	——	——	1. (Барышня-крестьянка) Барышни сходили по нем с ума.	1. 众家小姐怎能不将他想入非非呢 (Как барышни могли не уноситься в облака?)